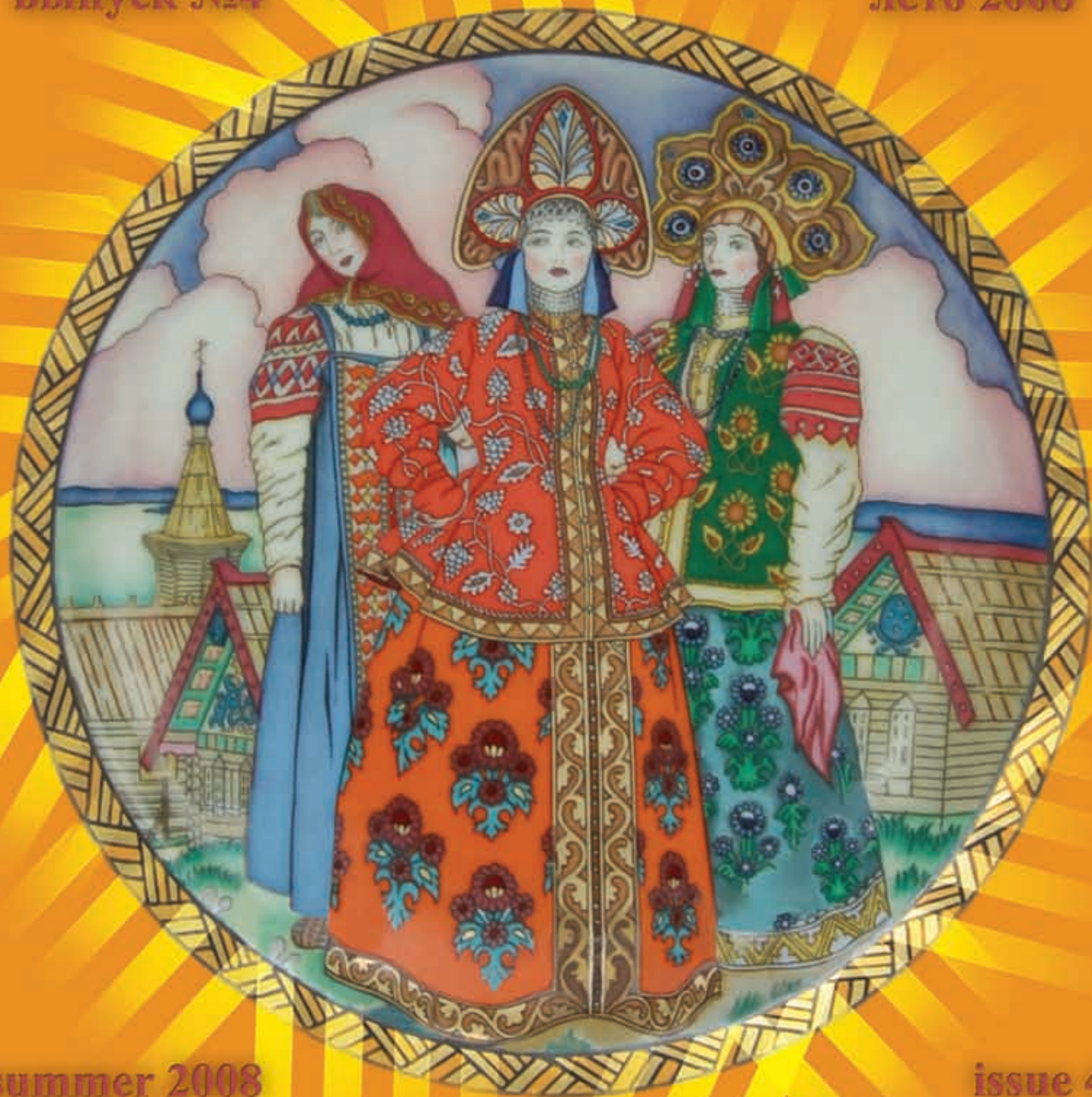

НАСЛЕДИЕ

Русско-Канадский культурно-просветительский журнал
выпуск №4

лето 2008

summer 2008

issue 4

Russian Canadian Cultural Aid Society magazine

HERITAGE

*Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.*

*Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.*

*Я не скоро, не скоро вернусь.
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге,*

*И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого что тот старый клен
Головой на меня похож.*

*С.А.Есенин
1918*

Наследие

Культурно – просветительский журнал для тех, кто живет за пределами России, но душою связан с ее культурой, историей и традициями. Этот журнал адресован широкому кругу читателей, поскольку на его страницах отражены разные аспекты человеческой жизни – духовной, культурной и общественной.

Учредители:

Русско-Канадское Культурно-Просветительное Общество и Русско-Канадский Фонд Культурного Наследия им. Марии Николаевны Благовещенской

Под патронажем:

Свято-Троицкой Русской Православной Церкви Заграницей (Торонто)
Православная Церковь в Америке
Канадская Архиепископия
Русский Православный Собор Христа Спасителя

При сотрудничестве:

Russian Chamber of Commerce in Toronto

Главный редактор:

Мария Николаевна Благовещенская

Зам. Главного редактора:

Елена Клинаева

Главный дизайнер, художественное решение:

Анастасия Кондратьева

Помощник дизайнера:

Алина Клинаева

Фотограф: Оксана Шлахтер

Корректорская и литературная правка:

русский текст - Оксана Шлахтер

английский текст - Анна Портораро

Перевод:

о. Вячеслав Давиденко

Алина Клинаева

Отдел распространения: Ольга Вертлиб

Отдел финансов: Светлана Кокорина

Нам помогли:

Владимир Шлахтер, Юрий Кондратьев

Адвокат:

Виктор Никитин

Обложка:

работа иллюстратора Б.Зворыкина

Heritage

Cultural-Aid magazine for those, who live outside of Russia, but who are spiritually connected to its culture, history and traditions. This magazine is addressed to a wide-range of readers, because it depicts different aspects of human life, like spiritual, cultural and public are depicted.

Founders:

The Russian - Canadian Cultural Aid Society and The Russian - Canadian Cultural Heritage Foundation of Maria Blagoveshensky

Supported by:

Holy Trinity Russian Orthodox Church Outside of Russia (Toronto)
Orthodox Church in America
Archdiocese of Canada
Christ the Saviour Orthodox Cathedral

In association with:

Russian Chamber of Commerce in Toronto

Editor In-Chief:

Maria Blagoveshensky

Assistant Editor:

Elena Klinaeva

Senior graphic designer, Art concept:

Anastasiya Kondratyeva

Assistant designer:

Alina Klinaeva

Photographer: Oksana Shlakhter

Proof-reader:

russian - Oksana Shlakhter

english - Anna Portoraro

Translator:

Rev. Vyacheslav Davidenko

Alina Klinaeva

Distribution: Olga Vertlib

Finances: Svetlana Kokorina

Other contributors of the magazine:

Vladimir Shlakhter, Yuri Kondratyev

Lawyer:

Viktor Nikitin

Cover art:

the work of Boris Zvorykin

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

«Дела давно минувших дней ...»

6 90 лет со дня трагической гибели царской семьи

20 Воспоминания

24 225 лет Черноморскому флоту

РУССКИЙ МИР

«Канада – Россия»

26 Первые русские исследователи на американском материке

30 Семья Сухачёвых

РОССИЯ СЕГОДНЯ

«День за днем»

34 Россия и соотечественники

36 Соотич, земляк, казак ...

38 День семьи

ОБЩЕСТВО И БИЗНЕС

«Дом, который построил... ты»

39 Личность

40 Никто не забыт и ничто не забыто

43 Берёзки в стране кленового листа

46 Караван

РЕЛИГИЯ

«Азбука Православия»

48 Новый первоиерарх РПЦЗ

50 Поздравление отца Владимира с днем Ангела

51 Крещение Руси князем Владимиром

56 Русь уходящая

57 Вопросы и ответы священника

59 Православный календарь, азбука

СПОРТ

«В здоровом теле здоровый дух»

60 Россия Вперёд! Футбол

ОБРАЗОВАНИЕ

«Через тернии к звездам»

61 Учат в школе, учат в школе, учат в школе

БЫТ И ТРАДИЦИИ

«Мир вашему дому!»

64 Русское чаепитие

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ

«Экслибрис»

68 А.Ахматова. «РЕКВИЕМ»

АРХИВ ПРОШЛОГО

«Давным давно...»

89 События и шутки прошлого.

TABLE OF CONTENTS

HISTORY

«The olden days of the past...»

13 90 Years since the tragedy of the Royal Family

RELIGION

«The Alphabet of Orthodox»

59 Orthodox calendar

LITERARY CLUB

«Exlibris»

78 Akhmatova. "Requiem"

90 лет со дня трагической гибели царской семьи

Корни трагедии

Пожалуй современный историк А.Боханов выразился лучше всех, когда он написал: «В истории России символом переломной эпохи навсегда останется последний император Николай II. Он родился в 1868 году, вступил на престол в 1894 году, отрёкся от трона в марте 1917 года и расстрелян был в июле 1918 года. Это не только хронологические вехи судьбы правителя, но и рубежи русской истории. Николай II появился на свет, когда в России происходили бурные социальные изменения, принял монарший скипетр в момент уверенного движения Российской империи в будущее, потерял власть в разгар жестокой мировой войны и расстался с земной жизнью тогда, когда на его горячо любимой родине всё безнадежно оборвалось, безвозвратно изменилось, и на долгие десятилетия распалась живая связь времён.»

Профессор С.Л.Франк в своём послереволюционном труде «Из размышлений о русской революции» пояснил составные причины разрухи просто: «Замечательной

особенностью русского общественного и государственного строя было то, что в народном сознании и народной вере была непосредственно укреплена только сама верховная власть - власть Царя; всё остальное, что было в России - вся правовая, общественная, бытовая и духовная культура - произрастало от её ствола и держалось только им...». Поэтому, - заключает эту мысль профессор Тальберг, - и натиск врагов Святой Руси направлен был, главным образом, на сокрушение этого великого стержня русской государственности. В позабытой Богу и заветы седой старины России XX века, разрушительная работа была не трудна. Свергнут был в марте 1917 года Царь, Помазанник Божий. Свалилась в бездну, раскололась Россия, самое имя которой уничтожили. Застилая истинный лик святой Руси, нагло выползала отовсюду страшная образина звероподробного существа, измывавшегося над всем, что испокон было дорого и свято. Но истинную душу Руси уничтожить не удалось. И страшное смутное время выявило - среди мрака и грязи - много светлого, благородного, чистого.

Трагедия последнего Царя

«Абсолютный монарх «всё смет» и «всё может», чего желает его политическая или иная похоть. Но самодержавный Государь «сметет» далеко не всё, а лишь законное, законами предоставленное, правое, правовое, государственное, совесть, честное, Богу угодное.» (И.Ильин)

На престол Николай II взшёл в 26 лет, раньше чем ожидалось, в результате преждевременной смерти Александра III. Николай Александрович своей мягкостью, тактичностью в обращении, скромными манерами на многих производил впечатление человека, не унаследовавшего сильной воли своего монаршего отца; к тому же он не полностью был введён в курс высших государственных дел, и многое ему пришлось узнавать из докладов министров, но мировоззрение молодого монарха уже было вполне определено. «Вера в Бога и в свой долг Царского служения, - пишет историк С.С.Ольденбург, - были основой всех взглядов императора Николая II. Он считал, что ответственность за судьбы России лежит на нём, что он отвечает за них перед Престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут Ему ме-

шать, но ответ за Россию перед Богом лежит на нём.» Образом правителя для Николая II был царь Алексей Михайлович, бережно хранивший традиции старины. Однако время, в которое выпало царствовать Николаю II, сильно отличалось от эпохи первых Романовых. Если тогда народные основы и традиции служили объединяющим знаменем общества, которое почитали и простой народ, и правящий слой, то к началу XX века российские основы и традиции становятся объектом отрицания со стороны образованного общества.

Христианские религиозно-нравственные принципы его мировоззрения отличали внутреннюю и внешнюю политику Николая II. В лице Государя Николая Александровича, Церковь нашла истинного покровителя и попечителя о всяком её благе. Николай II сыграл гораздо большую роль в церковной жизни, чем его царственные предшественники, способствуя в построении тысячи новых церквей и сотни монастырей, в прославлении больше святых, чем за весь XI век, включая канонизацию св. Серафима Саровского. Духом Православия было проникнуто воспитание Императорских детей и вся семья жила в соответствии с традициями православного благочестия, посещая богослужения в воскресные и праздничные дни и говея во время постов. Глубокая вера Императорской четы и паломничества к православным святыням сближали их с коренным русским народом и выделяли их среди тогдашней аристократии. На арене внешней политики Император обратился к правительствам Европы в 1898 году о созыве конференции для обсуждения вопросов сохранения мира и сокращения вооружений. Следствием этого стали Гаагские мирные конференции в 1898 и 1907 годах. Но, несмотря на искреннее стремление Государя к миру, в его царствование

России пришлось участвовать в двух кровопролитных войнах, приведших к внутренним смутам. В 1904 году, без объявления войны, начала военные действия против России Япония - следствием этой тяжёлой для России войны стала революционная смута 1905 года. Государь воспринимал происходившие в стране беспорядки как великую личную скорбь. Он посещал лазареты с ранеными, а царица и старшие дочери Ольга и Татьяна работали медсёстрами в царскосельских лазаретах, прошедши полные фельдшерские курсы с расширенной программой.

В 1913 году вся Россия торжественно праздновала трёхсотлетие Дома Романовых. После февральских торжеств в Петербурге и Москве, царская семья совершает поездку по древним среднерусским городам, история которых связана с событиями начала 17 века. На Государя произвели большое впечатление искренние проявления народной преданности. Россия находилась в это время на вершине славы и могущества. Казалось, что все внутренние проблемы в недалёком будущем благополучно разрешатся. Но этому не суждено было осуществиться: назревала первая мировая война. С начала войны Император рассматривал своё пребывание на посту Верховного главнокомандующего как исполнение нравственного и государственного долга перед Богом и народом и поэтому постоянно находился в ставке, часто вместе с наследником. К январю - февралю 1917 года политическая обстановка делалась всё более натянутой, но Царь надеялся на чувство патриотизма людей и сохранял веру в армию, положение которой значительно улучшилось. Надежды были на успех большого весеннего наступления, которое нанесёт решительный удар Германии. Но это хорошо понимали и враждебные Государю силы. Когда Государь выехал в ставку 22 февраля - этот момент послужил сигналом для врагов порядка посеять панику в столице о надвигающемся го-

лоде.

Борьба с совестью

Воспользовавшись навязанной России войной и трудностями, связанными с ней, внутренние враги России совершили государственный переворот. Кто с надеждой, а кто с безысходностью ждали решений от императора. Никто из императорской свиты, из числа тех, осыпанных милостями и почестями людей, не нашёл в себе мужества и решимости бросить вызов надвигающейся катастрофе и стать опорой угасавшей царской власти. (А.Боханов.) От великих князей и недавно преданных генералов, до председателя Думы - все уговаривали императора Николая II во имя России и своего сына, пойти на компромисс с совестью, а именно - отречься от престола. Ознакомившись

с мнением военначальников, царь пересилил себя, переступил через принципы и принял решение отказаться от престола. Он горячо молился в своём вагоне перед походным алтарём и

просил Бога простить ему этот грех - измену клятве, данной при воцарении. Переговорив с доктором цесаревича Алексея, страдавшим гемофилией, государь решил:

«... во имя блага, спокойствия и спасения России я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, ещё раз обдумав своё положение, я пришёл к заключению, что в виду его болезненности, мне следует отречься одновременно и за себя и за него, так как разлучаться с ним не могу.» Вернувшись к себе, развенчанный монарх занёс в свой дневник краткое описание дня и завершил запись словами: «Кругом измена, трусость и обман!»

Конец кровавой эпохи

Царь был вынужден отречься от престола... и попал в заточение. Арест императора с семьёй не имел ни малейшего законного основания или повода. Они содержались сначала в Царском селе. Здесь, в дворцовой церкви или в бывших царских покоях, отец Афанасий Беляев регулярно совершал всеобщую и Божественную литургию, за которыми всегда присутствовали все члены императорской семьи. В августе 1917 года царственные узники прибыли в Тобольск.

В это время Корнилов предложил Керенскому ввести войска в Петроград, чтобы положить конец большевистской агитации, которая становилась изо дня в день всё более угрожающей. Безмерна была печаль царя, когда Временное правительство отклонило и эту последнюю попытку к спасению Ро-

дины. Государь раскаивается в своём отречении. «Ведь он принял это решение лишь в надежде, что желавшие его удаления сумеют всё же продолжать с честью войну и не погубят дело спасения России. Он боялся тогда, чтобы его отказ подписать отречение не повёл к гражданской войне в виду неприятеля. Царь не хотел, чтобы из-за него была пролита хоть капля русской крови... Императору мучительно было видеть теперь бесплодность своей жертвы и сознавать, что, имея в виду тогда лишь благо Родины, он принёс ей вред своим

отречением,» – вспоминает П.Жильяр, воспитатель цесаревича Алексея. А между тем, к власти в Петрограде уже пришли большевики - наступил период, о котором государь писал в своём дневнике: «гораздо хуже и позорнее событий смутного времени.». В письмах и дневниках членов императорской семьи засвидетельствовано глубокое переживание той трагедии, которая разворачивалась на их глазах. «Тяжело невозможно, грустно, обидно, стыдно, но не теряйте веру в Божию милость. Он не оставит Родину погибнуть... Как я счастлива, что мы не за границей, а с ней (Родиной)

всё переживаем...» - писала императрица.

Далее царскую семью посылают в Екатеринбург, где они заточены в доме Ипатьева. Об этом периоде заточения осталось меньше свидетельств, поэтому особенно ценным является свидетельство протоиерея Иоанна Сторожева, совершавшего последнее богослужение в Ипатьевском доме. Отец Иоанн служил там дважды в воскресные дни обедницу: в первый раз 2 июня 1918 года: «... диакон говорил прошения ектений, а я пел.

Мне подпевали два женских голоса..., порой низким басом и Николай Александрович... Молились очень усердно...» - писал о.Иоанн. Условия жизни в «доме особого назначения» были гораздо тяжелее, чем в Тобольске. Вера заключённых поддерживала их мужество, давала им силу и терпение в страданиях. Все они понимали возможность скорого конца. Даже у цесаревича как-то вырвалась фраза: «Если будут убивать, только бы не мучили...». 14 июля 1918 года о.Иоанном Сторожевым было совершено последнее богослужение в Ипатьевском доме. Приближались трагические часы...

Арестом царской семьи дело не исчерпалось. Устремления хозяев простирались дальше: они намеривались «вбить осиновый кол» в сердце монархии, навсегда

покончить с ней.

В роковой день 16 июля 1918 года Романовы и обслуга легли спать как обычно в 22 часа 30 минут. Через час в особняк явились двое особоуполномоченных от Уралсовета. Они вручили решение исполкома командиру отряда охраны Ермакову и коменданту дома Юровскому и предложили немедленно приступить к исполнению приговора. Разбуженным членам семьи и персоналу объявили, что в связи с наступлением белых войск, особняк может оказаться под обстрелом, и поэтому в целях безопасности нужно перейти в подвальное помещение. Семеро членов семьи - Николай Алек-

сандрович, Александра Фёдоровна, дочери Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и сын Алексей, трое добровольно оставшихся слуг: лакей Трупп, комнатная девушка Демидова, повар Харитонов и доктор Боткин, спустились со второго этажа дома и перешли в угловую полуподвальную комнату. Когда все вошли и закрыли

дверь, Юровский выступил вперёд, вынул из кармана лист бумаги и прочитал: «Внимание! Оглашается решение Уралсовета...». И как только прозвучали последние слова, раздались выстрелы. В час ночи 17 июля всё было закончено.

В Алапаевске в ночь на 18 июля 1918 года большевиками было совершено очередное злодейство - убийство Вел. кн. Сергея Михайловича, Вел. кн. Елизаветы Фёдоровны, князей - братьев Иоанна, Константина и Игоря - сыновей Вел. кн. Константина Константиновича; князя Владимира Плея; Фёдора Ремизова - секретаря Вел. кн. Сергея Михайловича, инокини Варвары (Яковлевой). Представителей дома Романовых и двух их верных слуг подвели к шахте и, ударив по голове обухом топора, сбросили вниз. Жертвы разбивались, падая вниз с высоты 28 аршин, ударяясь о брёвна. Сопротивлялся только Вел. кн. Сергей Михайлович - его застрелили. Другие мучительно умирали от ран, жажды и голода. Свидетели утверждают, что из шахты несколько дней доносилось пение Херувимской песни и стоны.

сандрович, Александра Фёдоровна, дочери Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и сын Алексей, трое добровольно оставшихся слуг: лакей Трупп, комнатная девушка Демидова, повар Харитонов и доктор Боткин, спустились со второго этажа дома и перешли в угловую полуподвальную комнату. Когда все вошли и закрыли

Канонизация царственных мучеников

Большинство свидетельств говорит об узниках Ипатьевского дома как о людях страдающих, но глубоко верующих, несомненно покорных воле Божией. «Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою

Родину, - пишет один из свидетелей их жизни в заточении Пьер Жильяр, - они умерли мучениками за человечество. Их истинное величие проистекало не из царского сана, а от той удивительной нравственной высоты, до которой они постепенно поднялись. Они сделались идеальной силой. И в самом своём унижении они были поразительным проявлением той удивительной ясности души, против которой бессильны всякое насилие, всякая ярость, и которая торжествует в самой смерти.»

Вскоре после того как было объявлено о расстреле Государя, Святейший Патриарх Тихон благословил архипастырей и пастырей совершать о нём панихиды. Сам Святейший 21 июля 1918 года во время богослужения в Казанском соборе в Москве сказал: «На днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович... Мы должны, повинаясь учению слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падёт и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Мы знаем, что он, отрёкшись от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе.» Почитание царской семьи, начатое Патриархом Тихоном в заупокойной молитве и слове на панихиде в

Казанском соборе по убиенному императору через три дня после екатеринбургского убийства, продолжалось, несмотря на господствовавшую идеологию, на протяжении нескольких десятилетий советского периода русской истории. За границу с Белым Движением вывезены были немногие останки из Екатеринбурга членов царской семьи в Европу, где был затем выстроен для них в Брюсселе храм-памятник. В Святую Землю через Китай перевезены останки Елизаветы Фёдоровны и инокини Варвары. Под ныне разрушенным храмом в Пекине, где теперь находится парк, покоятся останки Вел. кн. Сергея Михайловича и других вместе с ним убиенных в Алапаевске. По всем частям мира, куда занесло русских после революции, в многочисленных храмах служились поминальные панихиды по царской семье.

1 ноября 1981 года Русская Православная Церковь

Заграницей в Знаменском Соборе Курско-Коренной Божией Матери причислила к лику святых Николая и всех умученных, включая Алапаевских мучеников.

В 2000 году Русская Православная Церковь определила: прославить как страстотерпцев в сонме новомучеников и исповедников Российских Царскую Семю. В последнем Православном Российском монархе и членах его семьи мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесённых царской семьёй в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года, был явлен побеждающий зло свет Христовой веры.

Бремя власти передано

В селе Коломенском под Москвой, в день отречения Государя Императора Николая II от престола 2-го марта 1917 года, явлена была новая икона Божией Матери, названная «Державной». Эта икона, найденная среди рухляди и пыли в подвале, по указаниям глубоковерующей женщины, получившей троекратное видение во сне, представляла собой огромную, узкую, очень тёмную икону Божией Матери в красной царской порфире, с короной на голове, со скипетром и державой Российских Государей, восседающей на Престоле. Через несколько месяцев икона сама собой чудесно обновилась и стала светлой

и ясной. Значение этой иконы, чудесно явившейся народу Русскому в день его величайшей духовной трагедии (отречения Государя) - чрезвычайно многозначительно. Сама Божия Мать пришла в уготованный Ей всею Русской историей «Дом Богородицы» в самый тяжкий момент жизни народа и приняла на себя бремя Верховной Власти Державы Российской. Зная исключительную силу веры и молитвы Государя Императора Николая II и Его особенное благоговейное почитание Божией Матери, мы можем не сомневаться в том, что это он умолил Царицу Небесную взять на Себя Царскую власть над народом, отвергшим своего Царя-Помазанника.

90 years since the tragedy of the Royal Family

Roots of the Tragedy

Perhaps the contemporary historian A. Bohanov said it best, when he wrote: «The symbol which represents the turning point in the history of Russia will forever be the last emperor - Nicholas II. He was born in 1868, assumed the throne in 1894, abdicated in March 1917, and was killed in July of 1918. These are not just chronological dates in the fate of a ruler, but lines of demarcation in the history of Russia. Nicholas II arrived in this world when Russia was in the process of turbulent social changes, took up the monarch's scepter at the time of the Russian Empire's assured progress into the future, abdicated at the height of a cruel world war, and lost his life when everything in his adored home land hopelessly fell apart, changed forever and for many decades lost all connection with its historical ties.»

Professor S.L. Frank, in his post-Revolutionary work *Thoughts on the Russian Revolution* explained the complex reasons behind the destruction simply: «The remarkable peculiarity of the Russian social and political system was that only the higher rule - the rule of the Tsar - was embedded in the consciousness and beliefs of the people: all the rest that was in Russia - all jurisprudence, the social, the everyday and the spiritual culture - all stemmed from this and existed due to this rule.» Therefore, as Professor Talberg concludes, the onslaught of the foes of Holy Rus' was aimed principally

at the destruction of this great core of Russian State power. In twentieth century Russia, one that was forgetting God and the age-old precepts, such destructive work was not difficult to accomplish. In March of 1917, the Tsar, the Anointed of God, was overthrown. Russia fractured and fell into an abyss, and even its name was obliterated. Covering the true face of Holy Rus', horrid creatures brazenly crawled forth to mock all that was cherished and holy. But the true soul of Russia was not destroyed. Even during those tumultuous times, amid the darkness and filth - there was much that was radiant, noble and pure.

The Tragedy of the Last Tsar

«An absolute monarch dares to do and may do whatever his political or other lustful desires. But an autocratic sovereign 'dares' not everything, but only that which is lawful, lawfully ordained, righteous, legal, official, conscientious, honorable, God-pleasing». (I.Ilyin)

Nicholas II ascended the throne at 26 years of age, earlier than was expected, due to the death of Alexander III. Nicholas Alexandrovich by his gentleness, tactfulness of address and modesty of demeanor impressed many as a man who did not inherit the strong will of his mighty father. At the same time, he had yet to be fully inducted into the course of higher affairs of the state, and had to learn much from reports by ministers; yet the worldview of the young

monarch was already set. «Faith in God and in his duty of service as Tsar», writes the historian S.S. Oldenburg, «were the basis of Emperor Nicholas II's views. He believed that he was responsible for the fate of Russia, that he answered to the Almighty for it. Others could advise him, others could interfere, but the ultimate responsibility for Russia before the throne of the Most High lay upon him». The example par excellence of a ruler for Nicholas II was Tsar Alexei Mihailovich, who carefully preserved the traditions of old. However, the time in which Nicholas II ruled was very different from the era of the first Romanovs. At that time, the national foundations and traditions served as unifying standards of society, equally respected by the plain folk and the ruling class; but at the beginning of the XX century Russia's foundations and traditions had become objects of rejection on the part of educated society.

Regarding his service as monarch with a sacred duty, whilst preserving Russian fundamental traditions and beliefs with a sense of great personal responsibility for the fate of Russia, made Emperor Nicholas II a devotee of the concept for which he gave his life.

The Christian religious-moral essence of his ideology were distinguishing marks of the interior and foreign politics of Nicholas II. Within Russia, the Church found a true protector in the person of the Sovereign Nicholas Aleksandrovich and patron of her well-being. Nicholas II played a much larger role in church life than any of his royal predecessors, promoting the building of thousands of new churches and several hundred new monasteries, canonizing more

saints than had been glorified during the entire XIX century, including the canonization of St. Seraphim of Sarov. The children of the Imperial Family were brought up in the spirit of Orthodoxy, and the whole family lived in accordance with the traditions of Orthodox piety, going to services every Sunday and holy day and preparing themselves for confession during all fasts. The deep faith of the royal couple and their pilgrimages to Orthodox holy places brought them close to the native Russian people and made them stand out in the midst of the aristocracy of the day in foreign affairs, in 1898, the Emperor proposed on keeping peace and on arms control. As a result of this, the Hague Peace Conferences of 1898 and 1907 were convened. However, despite the sincere aspirations of Sovereign for peace, during his reign Russia had to participate in two bloody wars, which led to inner discord. In 1904, without a formal declaration of war, Japan attacked Russia; and a result of this difficult war for Russia was the revolutionary movement of 1905. The Tsar felt these disturbances as matters of personal grief. He visited

the wounded, and the Tsarina and the eldest daughters, Olga and Tatiana, worked as nurses in the Tsarskoselsky infirmaries after studying for full doctors' assistants courses with an expanded program.

In 1913, all of Russia festively celebrated the Tricentennial of the Romanov Dynasty. After the February celebrations in St.Petersburg and Moscow, the Tsar's family traveled throughout ancient central-Russian cities, whose history was bound up with the events of the 17th century. The Tsar was very impressed by the sincere outpouring of devotion from the people. Russia at that time was at the apex of its glory and might. It seemed that all interior problems would be happily resolved in the near future. But such was not to be: the

clouds of World War I were gathering. From the onset of the war, the Emperor viewed his post as Commander-in-Chief as a moral and state responsibility before God and the people, and therefore was constantly at Stavka, often with the Heir. By January - February 1917, the political situation was becoming more strained, but the Tsar depended on the people's sense of patriotism and put his trust in the Army, the situation of which had markedly improved. All hope was pinned on the success of the spring offensive that should have dealt a decisive blow to Germany. But this was also well understood by the opposition to the Tsar. When the Tsar left for Stavka on February 22nd, his departure served as a signal for the foes of the order to sow panic in the capital over impending famine.

Battle with the Conscience

Taking advantage of the war imposed on Russia and difficulties entailed by it, the internal foes of Russia brought about a revolution. Some waited hopefully, some inconsolably for the decision of the Emperor. No one in the Emperor's entourage, among those showered with kindness and honors -not one found sufficient courage and resolution to challenge the impending catastrophe and to support the Tsar's waning authority, (A.Bohanov). From the great princes to the just recently devoted generals to the president of the Duma- everyone urged Emperor Nicholas II to compromise with his conscience and, for the good of Russia and his son, to abdicate the throne. After acquainting himself with the opinions of the military leaders, the Tsar overruled himself, broke with his principles and resolved to abdicate the throne. He prayed earnestly in his railway carriage at the traveling field altar and asked God to forgive him this sin — his violation of the oath given at his coronation. Upon conferring with the doctor of Tsarevich Alexei, who had hemophilia, the Tsar decided: «...for the good of Russia, in order to preserve law and order in the land, for Russia's salvation I was ready to abdicate the throne in favor of my son; but now, thinking over my position, I have come to the conclusion that, in view of his illness, I must abdicate at the same time for myself and for him, because I cannot be separated from him.» Returning to his quarters, the dethroned monarch wrote in his diary a short summary of the day and ended the entry thus: «All around is betrayal, cowardice and lies!»

The Bloody End of an Epoch

The Tsar was forced to abdicate ... and was imprisoned. The arrest of the Emperor and his family had no lawful basis or grounds. First they were kept at Tsarskoye Selo. Here, in the palace church or in the former Tsar's quarters, Fr. Afanasy Belyaev would regularly serve vespers and liturgy, which all the members of the imperial family would attend. He writes in his diary his observations about the family's spiritual condition - yes, they were all suffering, he wrote, but along with

suffering their patience and prayers grew. In their sufferings they acquired true humility. In August 1917, the royal prisoners arrived in Tobolsk. At this time, Kornilov suggested to Kerensky that troops be brought into Petrograd in order to end Bolshevik agitation, which was growing more and more ominous with every day. The Tsar's sadness knew no bounds when the Provisional Government declined this last attempt to save the nation. The Tsar regretted his abdication. «He had made this decision in the hope that those who wanted his removal would be able to continue the war honorably and would not ruin the work of saving Russia. He was afraid at that time that his refusal to agree to

abdicate would have to lead to civil war in plain view of the enemy. The Tsar did not want to be the cause of the shedding of a single drop of Russian blood... It was painful for the Emperor to see the fruitlessness of his sacrifice and to realize that, having only the good of his nation in mind, he had actually brought it harm by his abdication.»- reminisces P. Gilliard, the tutor of Tsarevich Alexei.

Meanwhile, in Petrograd the Bolsheviks had already seized power - the period arrived about which the Tsar wrote in his diary: «much worse and more disgraceful than the events of the Time of Troubles». The letters and diaries of members of the imperial family bear witness to the deep emotions they felt towards the tragedy that unfolded before their eyes. «It is unbelievably difficult, sad, mortifying, shameful; but do not lose faith in God's mercy. He will not let our Motherland perish... How happy I am that we are not abroad, but with her [the Motherland] experiencing everything...» wrote the Empress.

Later on, the royal family was sent to Ekaterinburg, where they were imprisoned in the house of Ipatiev. There is very little evidence left from this period of their imprisonment; therefore the diary of Protopresbyter Ioann Storozhev, who performed the last service in the Ipatiev house, is of particular value. Father Ioann served Liturgy there on two Sundays: the first time was on June 2, 1918: «...the deacon intoned the supplications, and I sang. I was joined by two female voices..., now and then with a low bass Nicholas Aleksandrovich would join in... They prayed very earnestly...» - wrote Fr. Ioann. Their conditions in the

«House of Special Purpose» were much more difficult than in Tobolsk. The faith of the prisoners kept up their courage and gave them strength and patience in their sufferings. They all knew that sudden death was a possibility. Even the Tsarevich once uttered this phrase: «If they are to kill us, at least (I hope) they will not torture us». The Tsarina and princesses frequently sang sacred church songs. Almost totally isolated from the outside world, surrounded by crude and cruel guards, the prisoners of the Ipatiev House displayed nobility and serenity of spirit. On July 14, 1918, Father Ioann Storozhev performed the last service in the Ipatiev House. The tragic hours were drawing near...

The arrest of the royal family did not end matters. The objectives of the masters of the «new Russia» extended further: they hoped to drive an «aspen stake» into the heart of the monarchy, to forever finish with it. Attempts were made to prove «criminal activity» on the part of the royal family; there was a hunt for the royal riches «stolen from the people» and hidden in foreign banks. And,

though nothing was found, the anti-Romanov hysteria and anti-monarchist rhetoric continued. As early as the end of 1917 the upper ruling echelons of Bolsheviks were debating the necessity of holding a public trial over Nicholas II. The

Reds had their reasons: they hoped this would aid the growth of their authority. On February 25th, Pravda, the mouth-piece of the Bolsheviks, had screamed: «It is necessary to transfer Romanov to some reliable place.

It is necessary to deprive him totally of freedom to communicate with anyone whatever. It necessary to put him in jail and immediately begin a trial».

In the beginning of July 1918, Goloschekin, the military commissar for the Ural region went to Moscow to decide the fate of the royal family. The execution of the entire family by firing squad was sanctioned by the Council of People's Commissars and the All-Russian Central Executive Committee -i.e. Lenin and Sverdlov confirmed this decision. Afterwards, this conversation appeared in the memoirs of Trotsky: having found out that the royal family was shot, Trotsky, (who had been away at that time) asked Sverdlov: «Who decided this?», «We did here» answered Sverdlov. «Ilyich thought it best that no living symbol be left, especially in today's difficult situation».

On that fatal day, July 16th, 1918, the Romanovs and their servants went to sleep as usual at 10:30 pm. In an hour, two specially authorized agents from the Ural Soviet arrived at the house. They handed the decision of the Executive Committee to Ermakov, the commander of the guards and to the official in charge of the House, Yurovsky and suggested they act on it immediately. The family and servants were awakened and told that, due to the White Army's offensive, they must be moved to a safer place in the basement of the house. Seven family members - Nicholas Aleksandrovich, Alexandra Feodorovna, the daughters Olga, Tatiana, Maria and Anastasia and the son Alexei, and three servants who volunteered to stay: valet Trupp, maid Demidova, cook Kharitonov, as well as Dr. Botkin, all descended from the second story to the corner basement room. After they had walked in and the door was closed, Yurovsky read the paper he took from his pocket: «Attention! Announcing the decision of the Ural Soviet...» And as soon as the last words were uttered, there came the sound of shooting. By one A.M. on the 17th of July, all was finished.

In Alapaevsk on the night of the 18th of July 1918,

the Bolsheviks committed another crime the murder of Grand Duke Sergei Mikhailovich, Grand Duchess Elisaveta Feodorovna, the brother Princes -Ioann, Konstantin and Igor - sons of Grand Duke Konstantin Konstantinovich; Prince Vladimir Paley; Feodor Remizov - secretary to Grand Duke Sergei Mikhailovich; and the nun Barbara (Yakovlev). The representatives of the Romanov family and their two royal servants were lead to the mine, hit on the back of the head with an axe handle and thrown down the shaft. The victims were greatly injured as they collided against the logs of the 60 foot shaft. Only Grand Duke Sergei Mikhailovich attempted to resist and was shot. The others died painfully from wounds, thirst and hunger. Witnesses later testified that they heard the sounds of the Cherubic Hymn and moaning emanating from the shaft for several days.

The organizers and executioners were well aware that they were perpetrating an heinous crime. In the writings of General Diterichs about the murder of the royal family we find this interesting note: «The Soviet regime attached great significance to the execution of the August Family and members of the House of Romanov as preparation for the growth of

their authority. On the other hand, they already feared the people and vigorously spread rumors that the Royal Family had been sent to Germany. The people did not believe that the former Tsar had been executed and a legend grew and spread that had the Tsar dressed as a peasant, hiding in the villages of Siberia, waiting to ascend the throne once the people would cleanse Russia of the generals and bourgeois who had overthrown him... This second Russian folk belief, created by the people themselves of their everyday ideology Bronstein (Trotsky) and Lenin fear no less than religious ideology. And therefore both these ideologies must be destroyed, blotted out of memory and befouled in the historical memory beyond recognition.»

But despite all the discreditation, the mockery and dishonor, most of the populace maintained their innermost, deep attachment to the autocratic-authoritarian rule, the real image of which was the royal prisoner in Ekaterinburg. His execution was a specifically political act. Alexandra Feodorovna was right when she said that Nicholas «incarnates Russia». He remained the national symbol, the emblem of Russian governmental traditions, the living image of a great empire. The victorious internationalists were destroying all

Tsarina believed that they were dying as martyrs for their country», - writes Pierre Gilliard, one of the witnesses to their life in confinement. «They died as martyrs for mankind. Their true greatness came not from their being royalty, but from the amazing moral heights to which they steadily rose. They became an ideological force. And even in their abasement they were a striking manifestation of that amazing clarity of soul, against which all violence and rage were impotent and which is victorious even in death.»

Very soon after the execution of the Tsar was announced, His Holiness Patriarch Tikhon gave his blessing for bishops and priests to serve memorial services for him. On July 21, 1918, during a service at the Kazan Cathedral in Moscow, His Holiness said: «Recently, a horrendous deed was committed: the former Sovereign Nicholas Alexandrovich was executed... Obeying the teachings of the word of God, we must condemn this act, otherwise the blood of the executed will be upon us, and not only on those who committed this act. We know that, in abdicating the throne, he did this for the good of Russia and for his love of the country. After abdicating, he could have found a safe haven for himself and lived a quiet life abroad, but he did not do so, wishing to suffer with Russia. He did nothing to better his situation, submitting himself to his fate.» The veneration of the Royal Family, begun by Patriarch Tikhon with prayers for their repose and the sermon at the Kazan Cathedral three days after the Ekaterinburg massacre, continued for decades of Soviet rule, despite the prevailing ideology. Some of the few earthly remains of the members of the Royal Family from Ekaterinburg were taken out of Russia at the time of the White Army's departure and were placed in a memorial church that was built in time to house them in Brussels. The

ties with Russia's past. This same reasoning entailed the merciless annihilation of all the members of the dynasty. They had to be destroyed because they represented the idea, the very principle upon which Russia had stood for many centuries.

Canonization of the Royal Martyrs

Most of the evidence speaks of the prisoners of the Ipatiev House as of people who suffered but were deeply religious and manifestly obedient to the will of God. «The Tsar and

earthly remains of Elisaveta Feodorovna and Nun Barbara were removed via China to the Holy Land. Beneath the razed church in Peking, where a park now stands, lie the remains of Grand Duke Sergei Mikhailovich and those who were killed in Alapaevsk with him. In many churches all over the world, wherever the Russian Diaspora existed after the Revolution, memorial services were held for the Royal Family.

On November 1, 1981, at the Cathedral of Our Lady of the Sign Icon the Russian Orthodox Church Outside of Russia added the names of Tzar Nicholas and all those martyred with him, together with the Alapaevsk martyrs, to the roster of saints. In some parishes in Russia, the Royal Martyrs were locally revered as saints. Akathist hymns were read to them in Moscow, Sankt-Petersburg and other cities. In Russia at large, the time had not yet come, but many started calling for their canonization after the fall of the Soviet regime.

«The Tsar's service and the path of the martyrdom that Tsar-Passion-bearer Nicholas and his August Family undertook was a mystical, spiritual reign. Their execution is a painful rupture, a bleeding wound, an ulcer, that has infected Russian existence, the very basis of Russian spiritual life. This wound was experienced not only by the perpetrators of those horrendous events. Until this time the diseased, the unhealed rupture has been borne by each generation of Russian people (both in Russia and in the Diaspora). Its healing requires a profound spiritual change in the Russian people. Repentance is essential. Spiritual-moral effort is necessary, public penitential labor is needed, the genuine manifestation of which would be the canonization of the holy Royal Martyrs and earnest Church prayer to them.» Thus wrote Hieromonk Anthony (Kaschenko) of the Russian Orthodox Church in 1998, calling for Russia's spiritual rebirth.

In the year 2000, the Russian Orthodox Church resolved: «To canonize as holymartyrs among the assembly of new-martyrs and confessors of Russia the Royal Family. In the last Orthodox Russian monarch and members of his family we see people who sincerely strove to embody in their lives the teachings of the Gospel. In the sufferings, endured by the Royal Family in imprisonment with meekness, patience

and humility, in their martyrs' deaths in Ekaterinburg on the night of July 17, 1918, the light of Christian faith which vanquishes evil was revealed».

Transferral of the Burden of Sovereignty

On March 2, 1917, the day the Sovereign Emperor abdicated, in the village of Kolomensk near Moscow, there appeared a new icon of the Mother of God - «The Reigning Icon of the Mother of God». This icon, found among dust and

refuse in a basement by a woman, who had had three visions, - was painted on a long dark board. It depicted the Mother of God in red royal vestments with a crown on her head, holding the scepter and orb of the Russian Sovereigns, sitting on a throne. Within a few months, the icon miraculously renewed itself and became bright and clear. The meaning of this icon, which had miraculously appeared to the Russian people on the day of its greatest spiritual tragedy (the abdication of the Tsar), is extraordinarily significant. The Mother of God, Herself, came to the «House of the Mother of God», prepared for Her throughout all of Russian history, at the most difficult moment in the life of the nation and took upon Herself the burden of Authority in Russia. Knowing the exceptional power of the faith and prayer of the Sovereign Emperor Nicholas II

and his particular devotion to the Mother of God, we cannot doubt that it was he who prayed for the heavenly Mother to take upon Herself the royal sovereignty over the people, who rejected their Anointed Tsar.

1. *The Lives of Saints Orthodox Church Calendar of Moscow. № 10-11. Moscow Patriarchate Publications, (Pravoslavie.ru) 2000.*

2. *Miller, L., Holy Martyr of Russia Great Princess Elisaveta Fedorovna. California: Holy Trinity Orthodox Mission, 2000.*

3. *Napara, D., In memory of the Alapaevsk Martyrs. Pravoslavie.ru (website) 2005.*

4. *A novice of Mt. Olives Convent. The Translation of the Relics of the Holy New-Martyrs Elisabeth... (Russian Renaissance, vol. 3 №19, [1982]).*

5. *Talberg, Prof. N.D., Holy Rus. Paris: 1929.*

Воспоминания

Дядя Лёша пробыл у нас три дня, с 22 по 24 июня. Почти половину этого времени он провёл в милиции, сначала прописываясь, а потом выписываясь, но все оставшееся время было отдано нам. Нам - это мне и моим двоюродным братьям!

Дядя Лёша... При воспоминании о нём всегда как-то на душе становится тепло. Помню, я, как обычно, сидела на полу, у кровати, где спал мой любимый дядя, и ждала, когда он проснётся. Он всегда спал, накрыв голову подушкой. Если подушка оказывалась под головой - это означало, что дядя Лёша уже не спал. Первое, что он говорил, было: «Мусёнок, поросёнок, телёнок, свинёнок...», - эти слова для меня имели многообещающее значение. Счастью моему не было предела - весь этот день будет уделён мне. Потом появлялись Раса с Костей, и начиналось настоящее веселье. Он очень много нам читал, но какое это было чтение! Если только это было возможно, он представлял всё в лицах, а мы, как зачарованные, сидели с открытыми ртами и, не отвлекаясь ни на мгновение, слушали его. Он читал нам небольшие рассказы и много декламировал, а мы с большим удовольствием во всём этом принимали самое активное участие, каждому из нас хотелось по-детски отличиться, и мы знали, чем мы можем заслужить его похвалу — это, первым делом, было вновь выученное стихотворение, которое каждый из нас стремился продекламировать в стиле дяди Лёши, а ещё были шашки, книжки и много разговоров, из которых я почти ничего не помню, кроме огромного удовольствия от этого времяпровождения. Однажды мы вдвоём поехали удить рыбу. Ве-

роятно, я очень много говорила, и дядя Лёша, пытаясь меня остановить, предупредил, что рыба ловиться не будет, если будет слышать чьи-то разговоры. Я молчала два часа: какая это была для меня пытка. Очевидно, рыба слышала мои возмущённые мысли, и совершенно не собиралась ловиться. После этого случая рыбалка, даже в компании моего любимого дяди, совершенно меня не привлекала.

Дядя Лёша был удивительным рассказчиком и мог увлечь и отвлечь кого угодно. Однажды к нам совершенно неожиданно зашла Аста Васильевна, директор школы, в которой работала мама. Дядя Лёша заметил не убранные мной иконы, стоявшие на угловом столике. Он бросился к директорше, как будто она была его ближайшей родственницей, стал ей что-то рассказывать - в общем нести всякую ахинею. Директриса, совершенно очевидно, находилась в том же загипнотизированном состоянии, как и мы, когда мы слушали дядю Лёшу. За это время я смогла незаметно убрать иконки в ящик стола, а наша нежданная гостья, по-моему, сама забыла, зачем к нам пожаловала, помню только удивлённый взгляд бабушки, прикованный к дяде Лёше - чего это он так перед ней выкабрёживается? После ухода Асты Васильевны, бабушка выпалила: «Лёша, да что это с тобой?!». А дядя Лёша, в полном изнеможении упав на стул, сказал: «мама, иконы забыли убрать...». Все мы прекрасно понимали, чем это могло обернуться для мамы и для нас всех, если бы в доме учительницы были обнаружены иконы.

Бабушка между делом нет-нет да и спрашивала:

«Лёшенька, а ты не забываешь молиться?». А он всегда отвечал: «Мама, я закроюсь одеялом и прочитаю всё Шестопсалмие...». Таким был мой любимый дядя.

Дядя Леша возвращался в Великие Луки. На вокзале, когда мы его провожали, со мной произошёл интересный случай, который совсем недавно всплыл в моей памяти. Я сидела на скамейке у вокзала, совершенно одна; вероятно, мама с дядей Лёшей отправились за билетами. Ко мне на скамейку подсел совсем молодой командир с вещмешком. Он сидел и о чём-то думал, с очень грустным и тоскливым взглядом. И вдруг он мне говорит: «А меня-то никто на фронт не провожает...». Я ничего не нашлась ответить, а потом неожиданно для самой себя выпалила: «Я Вас провожаю!». А он мне и говорит: «Поцелуй меня в лоб...». Я, совершенно не задумываясь, поцеловала его, а он встал и пошёл на станцию. Так ему хотелось, чтобы о нём кто-то помнил...

Больше я никогда не видела моего дядю. О его дальнейшей судьбе я узнала только в 1969 году, когда мы с дядей Серёжей нашли друг друга. Дядя Лёша вместе с семьёй был эвакуирован за Урал, в город Камышлов, где он прожил до конца своей жизни. Как и многие наши родные, он учительствовал.

3-е июля было днём безвластия, а 4-го июля во Псков вошли немцы. Городская «верхушка» бежала из города раньше. Все запасы продуктов в городе были сожжены при отступлении Красной Армии.

Незадолго до этого мы слушали по радио знаменитую речь Сталина «Дорогие братья и сестры...», голос его дрожал, зубы стучали о стакан. Мама перекрестилась и сказала: «Мы освободились от большевиков». Немцев встречали с цветами, как освободителей - во Пскове не было семьи, которой не коснулись бы репрессии...

Конечно, нужно отличать немецких солдат, входивших во Псков и немецких солдат, отступавших. Мы видели большую разницу между обычными военными и представителями частей СС. На моей памяти был случай, когда в присутствии младших офицеров, старший по званию офицер не подал руки эсэсовцу, выразив тем самым всё своё отношение.

С немцами объяснялась мама - она хорошо знала немецкий ещё со времен Первой мировой Войны и оккупации Пскова. Немцы ходили по домам, видели страшную бедность вокруг, видели, что у нас нечего есть, иногда давали нам хлеб. Помню, они говорили. «Одна комната на троих? И вы - учительница?» - они не могли понять, почему мы живем в такой бедности.

Вскоре населению стали выдавать хлеб - работающим по 600 г. в день, остальным - по 300 г. Я уже работала - чинила бельё русских военнопленных; их было очень много, они голодали, были плохо одеты, в начале немцы разрешали женам и родственникам забирать пленных из лагеря. Многие, выдавая себя за таковых, помогали пленным, спасали их. Мне было тогда около

14 лет. Однажды я говорю маме: «Я выхожу замуж за пленного, я могу спасти его, ему 17 лет!». На что мама резонно ответила: «Обойдутся без таких, как ты, спасителей». Пришлось согласиться, тем более, что я этого пленного и в глаза не видела.

Жили мы в то время тяжело - было очень голодно и холодно. Дров не было, по улице ходили, глядя всё время под ноги - не попадётся ли какой палки, чтобы использовать на дрова. Забор и ворота были давно уже сожжены. Однажды, взяв кое-что из одежды, я пошла по ближним деревьям в надежде поменять это на хлеб, вернулась ночью, с пустыми руками. Помню - ночь, луна светит, заснеженное поле, я иду одна по этому полю, в пальто с чужого плеча, в галошах, надетых на замотанные в газеты ноги; мороз и ветер воет... С той поры я с трудом переношу зиму и ветер, дома меня ждал «суп» из картофельной шелухи и постоянный холод. Бабуня уже не вставала, мы укутывали её одеялами, и она всё время лежала в постели. Сейчас трудно представить себе, как мы пережили эту ужасную зиму 1941-1942 года.

Живя во Пскове, я ходила в Дмитриевскую церковь, где когда-то служил мой дедушка о. Алексей Черепнин. Во время войны священником там был о. Георгий Бенингсен. Он также в это время возглавлял отдел Псковской миссии по работе с молодёжью, организовав в Пскове церковные школы и приюты для детей. Лично знакома с ним я не была - в церковь забегала в свободные минутки, на службы ни времени, ни сил у меня не было. Познакомилась я с о. Георгием уже в эмиграции, в Канаде.

Конечно, в силу моего возраста, я не могла понять всю историческую значимость и роль Псковской Духовной миссии, но для меня и моей семьи возможность войти в Храм Божий появилась только с приездом духовенства, направленного во Псков из Риги митрополитом Сергием (Воскресенским) для окормления паствы. Могу лишь сказать, что как только народ стал приходить в себя, молодёжь собралась, и мы стали чистить и приводить в порядок церкви, готовить их к Богослужению. Какая же радость была снова увидеть священников, приехавших из Риги...

Я начала свои воспоминания с моего письма, опубликованного в «Псковском синодике» в 2005 году. Я не думаю, что сведения, приведённые в этой книге, дойдут до широкого круга читателей, поскольку тираж её очень мал. Но то, что это издание вышло в свет, пробудило во мне надежду на восстановление исторической правды, связанной с ролью Псковской Духовной миссии в возрождении Русской Православной церкви в России. Современные публикации о роли Миссии довольно противоречивы. Даже в церковной среде появляются высказывания о «сотрудничестве» и «предательстве». В частности, получив «православный вестник» №3(352) за февраль 2007 года, я была очень разочарована и глубоко задета целым рядом высказываний, касающихся

представителей Псковской миссии. В этом номере было опубликовано интервью с игуменом Дамаскиным (Орловским), трудами которого вышло в свет многотомное издание «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия». О каком сотрудничестве и предательстве может идти речь? Как же можно представителей Псковской миссии, людей, служивших Богу и православной России, называть предателями? Предателями чего? Идеалов веры, христианства, преданности Церкви Христовой?!

Коммунистическое общество само себя уничтожило, коммунистическая утопия оказалась очередной утопией. Это было нашей общей трагедией - предательством по отношению к Помазаннику Божию, по отношению к Православию, по отношению к России. Я говорю «нашей», потому что, являясь гражданами страны, мы не можем не быть сопричастны к тому, что вокруг нас происходит. Так по отношению к чему иг.Дамаскин называет священнослужителей Псковской миссии предателями, не достойными уважения и, тем более, прославления?

Являясь членом Синодальной комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви, иг.Дамаскин должен бы быть знаком с высказыванием Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, приведенного в «Псковском Синодике» в качестве эпиграфа к главе «Похвальное слово русским миссионерам» (стр.622):

«Благодатные результаты Псковской миссии оказались очень важны для послевоенного восстановления жизни русской Православной церкви. С благодарностью в сердце мы вспоминаем самоотверженное служение тружеников миссии, к нашей глубокой скорби, для большинства их ревностные труды во славу Божию завершились трагическими репрессиями, обрушившимися на них...».

Я не могла оставаться в стороне и решила написать письмо в редакцию «Православного Вестника». Я не ожидала ответа на моё послание, но в то же время не могла позволить себе промолчать, прочитав эту публикацию, ведь людей, которые могли бы сказать что-то по этому поводу, практически не осталось. К моему большому удивлению, письмо моё было опубликовано.

Вообще, всё что связано с Псковской Духовной миссией, уникально по сути своей и по результатам. По мнению историков, занимавшихся изучением этого явления, считается, что деятельность Псковской Духовной миссии сыграла значительную роль в изменении сталинской политики по отношению к Русской Православной Церкви во время войны. К сожалению, после войны продолжения этому не последовало.

Всем известно, что к началу войны Русская Православная церковь находилась на грани почти полного физического уничтожения. Например, во Пскове перед войной не осталось ни одного действующего храма и ни

одного священнослужителя. О ситуации, сложившейся в тот момент, совсем недавно, в 2007 году, в журнале «Благодатные Лучи»(Вестник Псковской епархии №2 за 2007год) было опубликовано выступление исследователя деятельности Псковской миссии К.П.Обозного, который сказал следующее: «Ситуация была такова, что легально существующая церковь могла исчезнуть совсем. Агрессия нацистов принесла нашей стране большое горе, потери, но, как это часто бывает, вместе с горем и потерями пришло и исцеление. Чтобы вылечиться, нужно претерпеть боль, выпить горькое лекарство, или пережить хирургическое вмешательство. Оккупация территорий дала шанс нашей церкви для возрождения.». Я не могла поверить своим глазам. В России, в моём родном Пскове, были напечатаны слова, которые были твёрдым убеждением русской православной эмиграции - оккупация спасла церковь, и с этим теперь трудно спорить.

Деятельность Псковской Православной миссии стала исключительным явлением церковной жизни периода оккупации. Иерарх Православной Церкви Прибалтики митрополит Сергей (Воскресенский) стал вдохновителем и организатором Псковской миссии.

«Основу Псковской миссии составили русские священники из Рижской, а позже и Нарвской Эстонской епархий - эмигранты, стремившиеся на помощь своей многострадальной родине. Примечательно, что Псковская миссия была и осталась единственной полномасштабной акцией, проведенной силами русской эмиграции в России.

...Священников, отправлявшихся в район Пскова, митрополит Сергей, придя к мысли о необходимости открытия внешней, за пределами Латвии и Прибалтики, миссии, благословил выехать туда в августе 1941 г., вследствие настойчивых просьб местного населения о присылке духовенства из эзархата.

...Первую группу миссионеров, прибывших в Псков, составили пятнадцать священников, в основном из Латвии. Одним из них был отец Алексей Ионов: «Мы прибыли в Псков к вечеру 18 августа 1941 года, в канун праздника Преображения. В Троицком соборе только что окончилась служба, её совершал на неделю раньше нас приехавший тоже из Латвии священник (прот. Сергей Ефимов)... Народ, переполнивший громадный храм, молча, уже в полной темноте (все светильники гаснут от порывов ветра в разбитые окна собора) подходит к амвону. Там заканчивается помазание освященным елеем. Нормально это делается, как известно, в середине всеобщего бдения, но сейчас такая масса людей, что этот обряд продолжается и по окончании службы... На следующий день все наши миссионеры приняли участие в праздничной божественной литургии. Опять многотысячная толпа наполняла Свято-Троицкий собор, но сейчас он весь залит солнечным светом. Праздник Преображения - радостный праздник, и все лица молящихся просветлённые. Первая встреча с русским народом. И

эта встреча - в храме».

...В Троицком кафедральном Псковском соборе богослужения совершались каждый день утром и вечером, и собор был всегда переполнен.

...Миссионеры, ожидавшие встретить в России пустыню в религиозном отношении, увидели там напряжённую духовную жизнь, о которой не могли предполагать за рубежом. И всё это при полном отсутствии нормальной церковной жизни. Устроить, организовать приходскую жизнь и стало задачей миссионеров. «Как легко проповедовалось на Родине!

Как жадно слушали там пастырей. Как благодарили, не утомлялись!» - вспоминал один из них.

... Узнав о прерывании миссии во Пскове, стали появляться ходоки и из более отдаленных мест - просить священников в приходы. Из воспоминаний миссионеров: «На первых же богослужениях они (восстановленные храмы - ред.) омывались слезами молящихся. С каким душевным волнением совершались эти богослужения, надо было лично наблюдать эту стихийную устремлённость русского народа к своему родному Православию, к своим родным святыням». («Псковский Синодик» стр.623-636).

Работа Псковской Духовной миссии продолжалась примерно два с половиной года с августа 1941 по февраль 1944. По данным исследований, в частности, К.П.Обозного, с которым мне довелось лично познакомиться в 2007 году, за первый год на территории, которую окормляла Псковская миссия, открылось 220 храмов, а к концу деятельности миссии действующих храмов было уже более 400. Но больше всего храмов, конечно, было открыто на Псковщине, около 150 храмов. Уже гораздо позже я узнала, что митрополит Сергей добился от немецких властей открытия богословских курсов при Духовном монастыре в Вильнюсе, специально для подготовки священнослужителей для Псковской миссии, которых катастрофически не хватало. Известно, что священников, окормлявших

приходы и ведущих миссионерскую работу, в 1944 году было более 200! Сколько раз люди наблюдали привычную картину - батюшка в рясе, верхом на велосипеде едет по просёлочной дороге, направляясь в какой-нибудь отдалённый приход, где его с нетерпением ждали. Просветительская работа, благотворительность, открытие приютов и приходских школ, помощь больным и инвалидам, окормление русских военнопленных - это всё осуществлялось духовенством и их многочисленными помощниками с огромной самоотверженностью и величайшим духовным подъёмом.

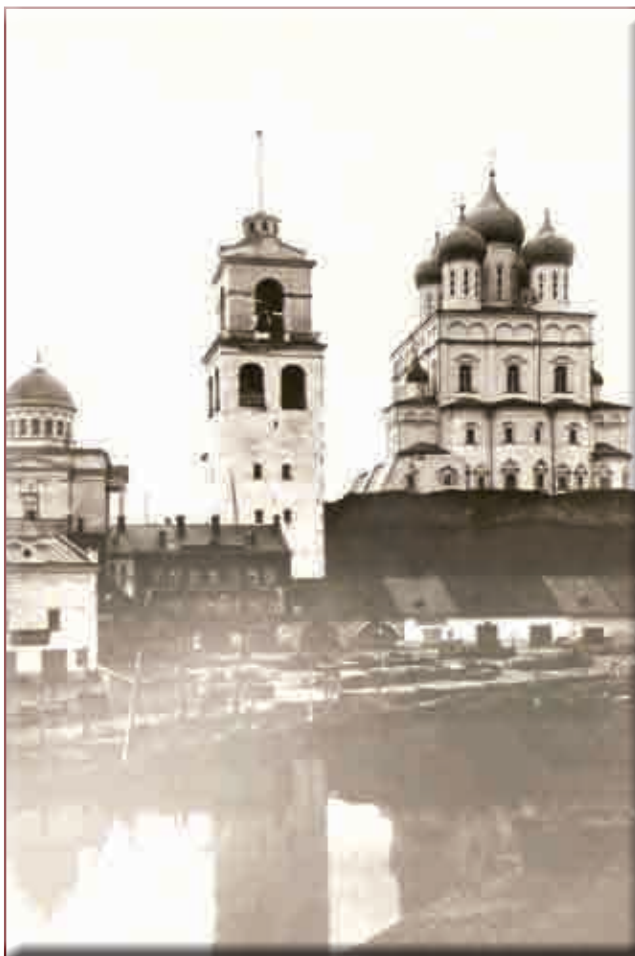
Русские военнопленные...Бывшие солдаты и офицеры Красной армии - все они, попав в плен, объявлялись Советским правительством изменниками и предателями Родины. Советский Союз, не присоединившись к Женевской конвенции 1929 года о военнопленных, тем самым лишил их возможности любой помощи, которая, кстати, оказывалась гражданам других государств представителями Красного Креста. Представители Псковской миссии добились разрешения у немецких властей навещать и духовно окормлять наших пленных. Слово поддержки и утешения придавало силы и надежду этим несчастным людям.

А сколько было крещений! Известен факт: «с августа по ноябрь 1941 года один только священник крестил три с половиной тысячи детей. По свидетельству миссионеров, ими были крещены десятки тысяч некрещёных детей, подростков и взрослых» («Псковский синодик» стр.630).

В начале 1944 года Псковская Духовная миссия завершила свою деятельность. Часть духовенства смогла уйти на Запад, а те, кто остался, подвергся репрессиям - большинство было сослано в Сибирь на верную смерть...но хочется верить, что этот беспримерный подвиг духовенства войдёт в историю и не будет забыт.

По мнению исследователей В.Алексеева и Ф.Ставра «в целом, по размаху и интенсивности, это религиозное возрождение может быть названо вторым крещением Руси».

М.Н.Благовещенская

225 лет Черноморскому флоту

Армия и флот – столпы государства, несущие конструкции Державы, обеспечивающие ее становление, развитие и стабильность. Так уж сложилось, что в судьбе России военные всегда играли особую, даже исключительную роль. Первые лица государства - во все эпохи - непосредственно занимались военными вопросами. Российское государство как великая держава и сложилось благодаря тому, что смогло добиться выхода к морям, обеспечившим ее политическое, экономическое и культурное развитие.

Это хорошо понимал Петр I, который по праву считается основателем отечественного регулярного флота.

В XIX веке известный английский историк Ф. Джейн в книге о российском флоте писал: «Существует распространенное мнение, что русский флот основан сравнительно недавно Петром Великим. Однако в действительности он по праву может считаться более

древним, чем британский флот. За сто лет до того, как Альфред построил первые английские корабли, русские уже бились в ожесточенных морских битвах, и тысячу лет назад лучшими моряками своего времени были русские».

Причем, что примечательно: истоки зарождения и развития флота и мореплавания на Руси неразрывно связаны именно с Черным морем, которое в древности называлось Русским.

В течение последних трех веков в героическую летопись Российского Военно-Морского Флота немало ярких страниц вписали Балтийский, Черноморский, Северный, Тихоокеанский флоты, десятки речных и озерных флотилий. Моря, которые сегодня омывают просторы нашего Отечества, были ареной подвигов наших пращуров, их героической борьбы за право называться великим народом. Величие России прирастало морями.

В связи с этим было бы не лишним напомнить о том, что именно в ходе Азовских походов 1695 и 1696 гг. Петр I пришел к окончательному выводу о необходимости иметь Российскому государству Военно-Морской Флот. Да и «приговор» Боярской думы «Морским судам быть» последовал после успешного взятия Азова. Так что «окно в Европу» Петр начал рубить со стороны Азовского и Черного морей. Здесь, в Причерноморье, реально начало осуществляться многовековое стремление нашего народа к возврату выхода к морям. Кроме того, самые многочисленные и кровопролитные войны Россия вела здесь, на юге: Причерноморье, Крым, Кавказ, Придунавье «воевали» более полутора веков.

Здесь, на Черном и Средиземном морях, состоялись самые грандиозные сражения, принесшие победы и славу русским морякам. Чесма, Кинбурн, Фидониси, Афон, Наварин, Синоп... Здесь была рождена русская - ушаковская - тактика ведения морского боя. Здесь сформировалась и «Кузнецовско-горшковская» флотская школа обучения, воспитания и подготовки кадров моряков-профессионалов. Именно здесь, в Причерноморье, четыре города-порта, города-базы - Одесса, Севастополь, Керчь, Новороссийск - стали Городами-Героями. Наконец, в послевоенное время операционная зона Черноморского флота стала районом самого интенсивного несения боевой службы кораблями Советского Военно-Морского Флота, а напряженность использования черноморских кораблей для выполнения этих задач была наиболее высокой и эффективной.

Поистине героический образ моряка-черноморца стал образцом доблести и мужества, а главная база флота - легендарный Севастополь - символом величия Державы, талисманом нашего Отечества - Великой России.

ИСТОРИЯ ФЛОТА - это причудливое переплетение и органичное сочетание славных дел, известных имён и знаменательных дат. Все их перечислить невозможно. Но не упомянуть о знаковых исторических фигурах, героях-черноморцах, их победах и свершениях, особенно в связи с флотским юбилеем, невозможно.

За 225-летнюю историю Черноморским флотом, его эскадрами и соединениями, командовали несколько тысяч адмиралов, самым известным из них является Фёдор Фёдорович Ушаков - святой воин Феодор, флотоводец, за своё служение Отечеству, подвижничество и мирские дела причисленный к лику православных святых.

Расцвет боевой деятельности Ушакова совпал с царствованием императрицы Екатерины II (вступила на российский престол в июне 1762 г.). Годы ее царствования отмечены важными законодательными актами, победоносными войнами и значительными территориальными обретениями, что было связано с деятельностью выдающихся государственных деятелей Г.А. Потемкина, А.Г. Орлова, А.В. Суворова. Две победоносные русско-турецкие войны, отмеченные крупными победами А.В. Суворова, П.А. Румянцева, М.И. Кутузова на суше и блистательными победами Ф.Ф. Ушакова на море, при

Екатерине Великой закончились присоединением к России Северного Причерноморья, Крыма, Северного Кавказа, основанием Черноморского флота и Севастополя.

В союзе с Англией и Австрией, уже в период царствования Павла I, русская армия под командованием А.В. Суворова совершила героические итальянский и швейцарские походы, а Черноморский флот осуществил в 1798-1800 гг. успешную Архипелагскую экспедицию под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова, который проявил себя в этом походе не только как выдающийся флотоводец, но и как искусный политик и дипломат.

Имена адмиралов и генералов В.А. Корнилова, П.С. Нахимова, В.И. Истомина, С.А. Хрулева, Э.И. Тотлебена; офицеров: А.В. Мельникова, Н.А. Бирилева, П. Завалишина, Ф.М. Новосильского, П.Л. Жерве, А.И. Панфилова; матросов: П. Кошки, И. Димченко, Ф. Заики, А. Рыбакова; солдат: А. Елисеева, И. Шевченко, Я. Махова и многих других защитников Севастополя навсегда вошли в военную историю нашего Отечества.

В 2002 году впервые в новейшей истории Черноморского флота, уже силами отряда, боевые корабли во главе с черноморским флагманом ГРКР «Москва» вышли в Средиземное море, а в следующем году - в Индийский океан. В Аравийском море черноморцы, обеспечив ракетные стрельбы российской Дальней авиации, успешно выполнили ракетную стрельбу главным ударным комплексом. Зимой 2008 года этот успех был продублирован, но уже в Атлантическом океане, где ГРКР «Москва» взаимодействовал с корабельной ударной группой Северного флота во главе с авианосцем «Адмирал Кузнецов». Этот поход стал своеобразным подарком черноморцев родному флоту, его ветеранам в год флотского юбилея.

225-летие Черноморского флота и его главной базы города-героя Севастополя - юбилей необычный. Впервые праздник подобного масштаба будет широко отмечаться в новом веке, в новом тысячелетии. Потому он привлекает внимание не только моряков России и севастопольцев, но и россиян. Будущее флота волнует миллионы наших соотечественников, неравнодушных к его судьбе. И это не только глубоко символично, но и показательно: значит, наш флот, за свою долгую историю прошедший славный, но трудный путь, имеет перспективы.

Южный флот России, сохранённый для Отечества, сегодня надёжно служит Родине, отстаивая её интересы на морских и океанских просторах. Преемственность поколений российских моряков продолжается! Флоту России на Чёрном море - быть!

*Капитан 1 ранга
Сергей ГОРБАЧЕВ,
член Союза писателей России,
кандидат политических наук
<http://www.kr-eho.info>*

Первые русские исследователи *на американском континенте*

Хотя Америка была открыта Христофором Колумбом в 1492 году, но потребовались сотни лет пока европейцы могли оторваться от водных путей и проникнуть вглубь материка. Западное побережье северо-американского материка было открыто европейцами не сухопутным путём с востока, а мореплавателями из Сибири. Так ещё в начале 18-го века вся северная часть Тихого океана была обозначена на картах белым пятном. Многие думали, что Америка на севере соединяется перешейком с Азией. Впервые Берингов пролив между Аляской и Чукоткой был открыт в 1648 году русскими мореплавателями Семёном Дежневым и Федотом Алексеевым. Эти смелые русские мореплаватели со своими товарищами казаками проехали на кочах с севера из устья Колымы к устью реки Анадырь, обогнув по Берингову проливу Чукотский полуостров. Проход по Берингову проливу представлял по опасное путешествие из-за частых сильных бурь. В одну из таких бурь унесло несколько кочей с казаками. Все считали их погибшими, но впоследствии оказалось, что они добрались до берегов неведомой дотоле земли Аляски и там основались на жительство. Уже в 20-м веке во время земляных работ на Аляске были обнаружены остатки древних русских поселений. Считают, что это были постройки казаков Дежнева и Алексеева и их потомков. Это, вероятно и были первые русские

поселенцы на северо-западе Америки.

Русские путешественники экспедиции Афанасия Шестакова, Иван Фёдоров и Михаил Гвоздев первые составили карту северо-западного побережья Америки в 1732 году. Спустя 9 лет, в 1741 году, из Петропавловска на Камчатке отправилась к берегам Америки экспедиция Витуса Беринга и Алексея Чирикова на двух кораблях «Св. Пётр» и «Св. Павел». Они исследовали 400 вёрст американского побережья и повернули обратно. На обратном пути Чириков благополучно прибыл в Петропавловск, а Беринг пристал к неизвестному острову, считая его Камчаткой. Там морякам пришлось зимовать и многие, в том числе Беринг, умерли. Остров был назван именем Беринга. Лишь следующим летом оставшиеся добрались на Камчатку.

Плавание Чирикова и Беринга дало много сведений о неведомых землях. Чириков первый составил карту Алеутских островов и северо-западного побережья Америки. Затем Алеутские острова и побережье Аляски исследовали русские мореплаватели Емельян Басов, тобольский крестьянин Михайло Неводчиков, Андриян Толстых и Степан Глотов. Эти русские охотники и предприимчивые исследователи часто отправлялись на восток, минуя уже знакомые острова с богатыми лежбищами котиков и бобров и открывали новые земли. Благодаря их трудам и подвигам, задолго до появле-

ния других европейцев, были изучены большие области севера Тихого океана, Аляски и Алеутских островов.

Лишь в 1778 году в Беринговом море появилась первая иностранная экспедиция под начальством англичанина Джемса Кука. Несмотря на то, что весь этот обширнейший район был исследован и нанесён на карту, Кук начал давать многим пунктам свои названия и стал приписывать себе их открытие. Так он приписал себе открытие всего северо-западного побережья Америки вплоть до Берингова пролива.

Знаменитый русский мореплаватель В.М.Головнин в своё время писал: «... хотя капитан Кук приписывает себе первое открытие северо-западного побережья Америки выше широты 57, но он был введён в сие заблуждение по незнанию о плаваниях в том краю наших мореходцев и что тот край был нам лучше известен, нежели англичанам; например, славный сей мореплаватель утвердительно пишет, что он нашёл большую реку, которую лорд Сандвич назвал его именем; Кук приводит и доказательства, что это действительно река; но русские знали, что так называемая Кукова река есть не река, а большой залив, который мы и теперь называем Кенайскою губою... Пролив между Кадьяком и Афогнаком Кук принял за залив и дал ему имя. Другого пролива между Кадьяком и Аляской Кук вовсе не знал, но русским он был известен под именем Кенайского пролива... капитан Кук сделал также и другие ошибки...»

Однако Кук несомненно знал об открытиях русских в Тихом океане, но сознательно умолчал о них. На Алеутских островах он встретился с русским мореходом Герасимом Измайловым. По просьбе англичан Измайлов позволил им снять копию со своей карты. На Камчатке, в Петропавловской гавани, Кук виделся с капитаном Василием Шмалевым, образованным и любознательным человеком, состоявшим в переписке с петербургским академиком Миллером, которому он сообщил много интересных сведений о русских плаваниях и открытиях в Тихом океане. Шмалев, конечно, мог полностью удовлетворить любопытство англичан в отношении географии северной части бассейна Тихого океана...

В июне 1780 года девять чукотских байдар пересекли Берингов пролив. Вместе с чукчами на Большую Землю высадился пытливый и отважный русский человек, казачий сотник Иван Кобелев. Он прошёл по американскому континенту до устья Юкона, внимательно изучая край... Кобелеву принадлежит честь открытия величайшей реки Аляски.

16 августа 1783 года вышел из Охотска в своё знаменитое плавание Г.И.Шелихов. Им открывается новая полоса в истории плаваний, открытий и исследований русских в Тихом океане. Горячий патриот, умный и дальновидный человек, Шелихов решил основать постоянные русские поселения в Новом Свете, присоединить к России невдомые европейцам земли, изучить их природные богатства, наладить там промысел и торгов-

лю.

Проведя зиму на Командорских островах, галиоты Шелихова в августе 1784 года прошли вдоль Алеутской гряды, мимо Шумагинских и Евдокеевских островов и достигли острова Кадьяк. Здесь Шелихов провёл два года. За это время он создал русские поселения на Кадьяке и соседнем острове Афогнаке, его люди внимательно обследовали побережье Аляски до мыса св. Ильи. В Россию он привёз подробные сведения о новых заморских владениях.

Одно за другим возникали на северо-западном побережье Америки русские поселения. Смелые мореходы и промышленники во всех направлениях бороздили воды новых русских владений.

В 1790 году начал долголетнюю героическую деятельность в Америке Александр Баранов. На много тысяч километров раздвинул он границы русских владений, основал новые поселения. В 1794 году смелый промышленник Егор Пуртов плывал в Якутатский залив. На следующий год туда пришёл на корабле Баранов. На берегу был поднят русский флаг и заложена крепость. Затем Баранов первым из русских мореходов миновал Ледяной пролив и бросил якорь в обширном заливе острова Ситха. Несколько лет спустя на берегу залива, с согласия живших там индейцев, была заложена Ново-Архангельская крепость, которой суждено было вскоре стать столицей русских владений в Америке.

В 1794 году у северо-запдных берегов Америки появилась английская экспедиция под начальством капитана Ванкувера. Англичане часто встречались с мореходами Баранова, побывали в нескольких русских поселениях на берегу Кенайского залива, рассматривали русские карты. И на этот раз англичане не постеснялись заменить многие русские названия на американском побережье своими. Пристрастие иностранных мореплавателей давать названия вновь увиденным местам едко высмеивал В.М.Головнин. Он писал, что если бы кому-нибудь из них удалось сделать такие открытия, как сделали Беринг и Чириков, «...то не токмо все мысы, острова и заливы американские получили бы фамилии князей и графов, но даже и по голым камням рассадил бы он всех министров и всю знать; и комплименты свои обнародовал бы всему свету. Ванкувер тысяче островов, мысов и пр., кои он видел, роздал имена всех знатных в Англии и знакомых своих, напоследок, не зная, как остальные назвать, стал им давать имена иностранных посланников, в Лондоне тогда бывших».

Ещё более бесцеремонно вели себя другие английские мореплаватели, приходившие к берегам Русской Америки (так в то время назывались русские владения в Новом Свете). Головнин с возмущением рассказывает, как англичанин Мирс, зайдя в 1786 году в Кенайский пролив (ныне носящий имя Шелихова), «...не знал, где он, доколе русские к нему не приехали и не сказали, что он в проливе, которым может пройти безопасно. Он по

их наставлению прошёл пролив и весьма наглым образом счёл его своим открытием и даже дал ему имя».

Баранов с железным упорством продолжал осваивать тысячевёрстные пространства Нового Света, заводил в русских поселениях хлебопашество и скотоводство, искал минералы, вёл промысел и торговлю. Чуть не каждый год из Охотска и Камчатки приходили в Америку русские корабли; они привозили новых поселенцев, скот, семена, ткани, продукты.

В 1795 году умер Г.И.Шелихов - «Колумб Российский», как назвал его поэт Д е р ж а в и н . Спустя три года созданные шелиховым компании вошли в состав объединённой Российско-Американской компании, под управление которой были переданы все русские владения на берегах Тихого океана. Баранов стал главным правителем Русской Америки.

Русские промысловые партии продвигались всё дальше на юг, к берегам Калифорнии. Первым, в 1802 году, пришёл туда байдарщик Швецов. Ведя бобровый промысел, он побывал в заливах Сан-Диего и Сан-Кетрин, а через четыре года после него у берегов Калифорнии побывал Сысой Слободчиков.

В 1812 году в Северной Калифорнии под 38/33 с.ш., недалеко от залива Румянцева, открытого Швецовым, и реки Славянки, Баранов основал новое русское поселение - крепость Росс. Правителем её стал первый помощник Баранова Иван Кусуов. Впоследствии индейцы не раз находили в Россе приют и защиту от испанцев, которые насильно насаждали христианство и жестоко эксплуатировали индейцев на своих плантациях.

С неослабевающей энергией русские путешественники и мореходы продолжали исследования и в районе северного побережья Аляски. В 1816 году в Берингов пролив прибыла русская научная экспедиция под командой О.Е.Коцебу. Смелые мореплаватели изучили часть американского побережья к северу от пролива, и на карте появились острова Сарычева, залив Шишмарё-

ва, обширный залив Коцебу, мыс Крузенштерна.

В 1838 году поручик Александр Кашеваров совершил выдающийся байдарочный поход вдоль полярного побережья Аляски и прошёл далеко за мыс Барроу. Часть побережья к востоку от мыса Барроу он назвал берегом Меньшикова. За два года до него здесь побывал русский промышленник Иван Лукин, которому принадлежит честь открытия этого района.

Третьим важным районом открывательской и исследовательской деятельности русских в Новом Свете

были внутренние территории Аляски, бассейны её крупнейших рек - Юкона, Кускоквима, Сушитны, Медной.

В 1839 году, для топографической съёмки и всестороннего изучения территории страны от полуострова Аляски до залива Нортон, была отправлена крупная экспедиция под начальством прапорщика Васильева. Она продолжалась около двух лет. За это время

были составлены подробные описи и карты, русские познакомились с бытом и правами туземных племён.

Смелый промышленник Фёдор Колмаков, старый соратник Баранова, спутник Корсаковского во время его похода на Юкон и Кускоквим Лаврентия Загоскина (1842-1844 гг.). Огромную территорию положил на карту русский исследователь; он вёл метеорологические наблюдения, составлял коллекции растений, животных, минералов, оружия, одежды и предметов быта туземных племён. Большой труд Загоскина «Пешеходная опись части русских владений в Америке», изданный им в 1847 году, был удостоен Демидовской премии Российской Академии Наук.

Не менее интенсивно исследовали русские и бассейн реки Медной. Устье её было открыто промышленником Ногаевым ещё в 1783 году. В 1843 году на Медной работала экспедиция Григорьева, в 1848 году вышел в свой отважный поход штурман Руф Серебрянников. Он впервые прошёл по Медной от устья до верховьев, составил её точную карту. Лишь спустя почти сорок лет после Серебрянникова, в 1885 году, появился на Медной пер-

Коренные жители континента

вый американский исследователь Аллен.

Огромный вклад в дело изучения северо-западного побережья Америки внесли также многочисленные русские кругосветные экспедиции. Подробные записи о флоре, фауне и населении Русской Америки составили такие знаменитые русские мореплаватели, как Ю.Ф.Лисянский, В.М.Головнин, О.Е.Коцебу, Ф.П.Литке.

Не менее важное значение имели труды крупнейших русских исследователей Алеутских островов, Аляски и Калифорнии - Ивана Вениаминова, Кирилла Хлебникова, Дмитрия Завалишина и великолепные атласы карт северо-западного побережья Америки, составленные Александром Кашеваровым и Михаилом Тебенковым.

Можно было бы назвать ещё десятки имён русских путешественников и исследователей, которые открывали реки и озёра, горные края и долины в далёкой Русской Америке.

Заслуги наших людей в деле открытия и исследования гигантских пространств Нового Света свидетельствуют о беспримерной отваге, выносливости и пытливости великого русского народа.

Период исследования северо-западных берегов Америки русскими мореплавателями и заселения их охотниками и промышленниками закончился в начале 19-го века. К тому времени испанцы из Мексики и англичане с востока пробились на запад до берегов Тихого океана и хлынули большой волной на север. Небольшие русские поселения на побережье потонули в массе других европейских поселенцев. Так, например, ещё и теперь у некоторых старожилов г. Ванкувера сохранилось предание, что этот город построен на месте бывшего небольшого русского посёлка, от которого, понятно, не осталось никаких следов. Первые русские поселенцы на западном побережье не положили начала постоянной русской колонии. Они ассимилировались и растворились в среде местного населения.

Русское население на Аляске со времени её открытия значительно выросло, и в 1792 году Священный Синод уже назначил в Аляску православную миссию.

В 1867 году царское правительство совершило акт величайшей государственной «мудрости» - продало Аляску Америке за 7.200.000 долларов и русские поселенцы на Аляске оказались американскими подданными. Многие из них переселились в Калифорнию, и в 1872 году православная миссия была перенесена в Сан Франциско.

Начало новой русской иммиграции в Канаду следует отнести к 1899 и последующим годам, когда прибыли большие группы духоборов, преследовавшихся царским правительством за отказ от военной службы и православной церковью - за их сектантство.

Кроме духоборов в начале 20-го века сюда приезжали, гонимые православной церковью, небольшие группы других русских сектантов: баптистов, адвентистов, менонитов (немцы из России), поселившихся в провинции Саскачеван в районах Арели, Пердю и др., а также небольшая

группа староверов, поселившихся в северо-западной части Алберты. Как духоборы, так и другие сектанты занялись земледелием.

С 1905 г. в Канаду начали прибывать небольшие группы тех, кто старались уклониться от воинской повинности, а затем - некоторые политические эмигранты от революции 1905 года. Рассказывают, что в Канаду прибыло несколько человек потёмкинцев из Румынии после подавления восстания на броненосце «Потёмкин». Других эмигрантов гнало сюда безземелье на родине. Они ехали сюда, чтобы заработать денег и, возвратившись на родину, прикупить земли.

С 1907 года начинается довольно широкая «долларовая» иммиграция из губерний Гродненской, Волынской, Минской, из Бессарабии. Большая часть этих эмигрантов ехали в Америку, но некоторая часть попадала в восточные промышленные города Канады - Монреаль, Торонто, Виндзор.

По материалам русского учёного А.Адамова, опубликованным в журнале «Наука и жизнь»

№ 9 за 1950 г

Русская экспедиция, памятник В.Беринга

Продолжая повествование о семье Сухачевых, хочется отметить, как удивительна страна Россия, сильная и богатая историей, культурой, традициями и, главное, людьми - одним из самых больших богатств. Люди, с одной стороны обычные, с простыми, казалось бы, жизненными историями, но по сути совершенно уникальные сами по себе.

Игорь Петрович Сухачев, рожденный в Югославии, никогда не видевший России, считает себя абсолютно русским православным человеком, живя за границей расписывает храмы, участвует в жизни Русско-Канадского Культурно-Просветительного Общества в Торонто. Его супруга Сильвия Карловна Сухачева, эстонка по происхождению, но родившаяся в городе Калуга, прожившая в Смоленске до 14 лет и впитавшая в себя за детские годы язык, литературу, историю и культуру страны, считает

себя русским человеком. Как-то я была свидетелем разговора одной милой дамы, приехавшей недавно из России, с Сильвией Карловной. Она

спросила, как давно та из России, и кто были ее родители, учитывая отчество собеседницы, и была поражена ответом.

Сильвия Карловна с удовольствием поведала, что в Канаде она с 1948 года, из России уехала, когда ей было 14 лет, родители ее были чистокровные эстонцы, правда обрусевшие, она же - русская. Кто-то может скептически заметить, что тут нет ничего необычного, ведь судьбы этих людей ничем не отличаются от многих других в то тяжелое время. Но я с этим не соглашусь, ведь судьба каждого уникальна и, как говорят, нет большого без малого.

Родилась Сильвия Карловна Сухачева 21 августа 1928 года в городе Калуга. Папа - Карл Иванович (Ян) Юрман работал на спиртзаводе инженером-винокурором, был из обрусевших эстонцев, приехал в Россию еще до революции в 1906 году. Женился на эстонке Ирине (Эрмине) Андреевне. Супруга ожидала ребенка, когда произошла революция, и катаклизмы, свершившиеся в то время, разделили их, а встретиться довелось только через 10 лет.

В 1927 году Ирина Андреевна Юрман смогла вернуться в город Калугу уже с сыном Виктором. Через год после воссоединения семьи на свет появилась дочь Сильвия, которую крестили в лютеранской церкви, так как папа был лютеранин, а мама была православная. Уже многими годами позже, в Канаде, перед свадьбой, православный священник отец Матвей Андриющенко крестил прекрасную Сильвию и был ее крестным отцом, а крестной матерью была Елизавета Александровна Аргюхова.

В 1933-1934 годах дружная семья переезжает в Смоленскую область, так как Карла Ивановича перевели работать на Смоленский спиртзавод инженером. Должность инженера в те времена, когда после революции покинула

Россию или погибла большая часть интеллигенции и высококвалифицированных специалистов, считалась высокой и уважаемой.

Семья Карла Ивановича жила дружно, спокойно, в достатке. Проводили тихие вечера за чтением произведений русских классиков, обсуждением прочитанного. Вот так, с познания великих авторов, начало формироваться то, что впоследствии будет называться русской душой.

Вторая Мировая война разрушила покой дружной семьи. Недели через две после начала войны фронт подошёл к Смоленску, и было принято решение бежать в сторону Вязьмы. Но в Вязьме высадился вражеский десант, и беженцы попали прямо к немцам. Немцы арестовали отца и конфисковали все вещи, которые были с собой. Эрмине Андреевне, хорошо говорившей по-немецки, удалось заполучить телегу с лошадью. Вместе с ними была еще жена сына Нина, сам же сын был на фронте, а супруга была в положении и вот-вот должна была родить. Мама, невестка Нина и дочь Сильвия на телеге пустились в обратный путь, но, не доезжая Смоленска, Нина прямо на улице разродилась, и на свет появилась маленькая девочка, которую назвали Викторией.

Немцы Карла Ивановича отпустили, по всей ви-

димости потому, что он был эстонцем, а также инженером со спиртзавода, который был разрушен и требовал восстановления. Большого выбора у Карла Ивановича не было - либо расстрел, либо работать инженером на восстановлении завода. Выбор был сделан в сторону жизни, за что позднее пришлось поплатиться.

Войска Советской армии перешли в наступление и опять - страх, ужас, бегство. На Днепре все мосты были взорваны, урожай на полях немецкие войска уничтожали. Первый город был Орша, затем Борисов - там Карл Иванович устроился работать на мармеладную фабрику. Через пол года пришлось опять бежать, уже в Минск. После 1944 года последовало стремительное наступление Советских войск, и семья Юрман уже начала терять друг друга.

К тому моменту сын Виктор, попавший в плен, но сумевший бежать, разыскал семью и жил в Минске с женой и родителями. Немцы отступали и отправляли людей на работу в Германию. Виктора с женой отправили в Германию без дочери и 8-ми месячная Вика осталась с бабушкой Ириной Андреевной и тетей Сильвией. Война, смерть, ужас, голод, страх, неразбериха, Карл Иванович потерял свою семью, и вот три женщины - Ирина Андреевна, 14-ти летняя Сильвия и маленькая Викторика остались одни без мужской помощи и заботы. Бегство продолжалось до Германии - Вильнюс, Кенинсберг (Калининград), и уже там у 14-ти летней Сильвии начались самые тяжелые жизненные испытания. Папа

потерян, мама с племянницей отправлена на работы в Германию, под Берлин на ферму, а Сильвию отправили в Ганновер. Девочка оказалась без знания немецкого языка, одна, в лагерях - трудно представить, что творилось у ребенка в душе. Единственная радость, которую изредка предоставлял Красный крест, это переписка с мамой. После войны Германия разделилась, мама попала в Советскую зону и с внучкой была вывезена в Советский Союз. Большинство русских, находившихся в Германии, собирались также домой в Россию, но отказывались от этой мысли узнав, что тысячи эшелонов, отправленных в Советский Союз, шли прямо в концлагеря. В силу договора между странами- победителями, все русские должны были вернуться, а это означало смертельный риск. Люди, как могли, старались спастись, и Сильвии выпала удача - ее подруга помогла сделать документы, подтверждающие, что Сильвия Юрман – поляка. Неразбериха была ужасная, многие документы утеряны, и Сильвия ходила в польскую школу и учила польский язык. Так вышло, что в Канаду Сильвия приехала как поляка. Письма, посланные маме, приходили обратно, местонахождение мамы с племянницей было неизвестно, Смоленск разрушен, и только через 25 лет мама нашла Сильвию сама через Красный крест. Карл Иванович оказался в Польше, там был задержан Советскими войсками, отправлен в Смоленск, осужден на 10 лет каторги за сотрудничество с немцами и скончался через три месяца в тюрьме.

Из Германии отправляли людей в Бразилию, Австралию, Англию, Аргентину, Канаду и Сильвия выбрала

Канаду, так как, по слухам, эта страна похожа на Россию, вот так и получилось, что в 1948 году она приехала в Торонто. Там она встретила знакомого, который отвел ее в церковь - таким образом стали появляться друзья, знакомые, и первая семья, с которой подружилась Сильвия, была дружная семья Артюховых. Было много молодежи, говорили по-русски, после службы все большой компанией ходили где-то посидеть вместе, пообщаться. Платили в то время всем почти одинаково \$50 в месяц, жили очень дружно и весело, ездили на центральный остров, устраивали танцы, играли в кегли.

Приехать в Канаду можно было по рабочему контракту - в больницу сиделкой или в частный дом прислужгой. Сильвия выбрала частный дом доктора Хендерсона, где было двое детей-подростков, сын и дочь. Встретили ее очень хорошо и отнеслись с большим вниманием и теплотой. Когда после случайной аварии, в которую попала Сильвия Карловна, доктор Хендерсон узнал, что у нее сильные боли в груди, он настоял на обследовании. Тогда-то и обнаружили туберкулез, а в те времена вылечить туберкулез можно было только находясь в госпитале год. Это ужасно долго, но семья Хендерсонов настояла на госпитализации. После госпиталя Сильвия Карловна год жила в доме семьи Артюховых. Елизавета Александровна очень хорошо относилась к Сильвии и, будучи крестной матерью, заботилась о ней, а благодарная и отзывчивая Сильвия называла ее мамой. Дочерей в семье было пять, и молодые люди бывали частыми гостями в доме. Там она и познакомилась с молодым человеком Сергеем Масловым, вышла замуж, родила сына Александра. Но-

вая напасть постигла нашу героиню - недолеченный туберкулез вернулся и пришлось вновь ложиться в больницу на целый год. Трехмесячный сынишка остался на попечении родителей мужа, и молодая мама не видела сына год. Бывает в жизни, что разлуку выдерживают не все молодые пары, так произошло с Сильвией и Сергеем. Они разошлись, а туберкулез опять дал о себе знать. Что делать, как быть, маленький ребенок, болезнь, отсутствие работы, родных! И - удивительное дело - люди, к которым она приехала как прислуга, берут ее с ребенком к

себе в дом, как родного человека, и ухаживают, помогают встать на ноги. Поистине - хорошему и отзывчивому человеку всегда будут на жизненном пути встречаться добрые люди.

К тому времени пришла та радостная новость, которую уже не ждали - через Красный крест нашлась мама, и Сильвия Карловна старалась посылать ей посылки, зная что в Советском Союзе финансовое положение еще хуже.

Через некоторое время судьба улыбнулась прекрасной Сильвии, и она познакомилась с недавно приехавшим из Африки молодым художником-иконописцем Игорем Петровичем Сухачевым. После года общения молодые люди сыграли свадьбу. Считается, что браки происходят на небесах, а как же иначе, за все невзгоды, выпавшие на долю Сильвии Карловны, она встретила человека, который взял на себя заботу о ней и ее сыне. В долгу она тоже не осталась и родила Игорю Петровичу двух дочерей-красавиц, а также помогала ему в работе. Есть в иконописи такой элемент, как позолотить икону - работа тонкая и очень кропотливая, требующая филигранного мастерства, и Сильвия Карловна с успехом с этим справлялась, что, собственно говоря, не удивительно - у людей с чистой и доброй душой может получаться абсолютно все.

Полным чудом был приезд в Канаду мамы - уехать из Советского Союза в то время за границу было практически невозможно, но наличие у мамы эстонского паспорта дало возможность выезда. Подарки были привезены просто царские - самовар, матрешка, механические ручные часы советского производства и старинная икона. Ирина Андреевна была православная, перед отъездом в Канаду она пришла в храм и сказала батюшке, что собирается в далекий путь и просит благословения, а также, что зять ее иконописец. Батюшка дал ей старинную икону из храма со словами, что там, вдали от родной земли, она будет нужнее. Уезжала Ирина Андреевна из Могилева, Смоленск был разрушен, а в Могилев она попала, потому что сын учился и жил там до войны, и она надеялась, что он может быть вернется. Довелось спокойно пожить Ирине Андреевне с двумя внуками, внуком, дочерью и заботливым зятем всего два года.

Общественная жизнь Сильвии Карловны была очень насыщенная - устройство танцевальных вечеров, маскарадов, ярмарки, балы - по четыре бала в год - осенний, Татьянин, бал-маскарад, летний, ситцевый бал, все это происходило на основе Русско-Канадского Культурно-Просветительного Общества. Был театральный кружок, где ставились пьесы русских классиков. Залы снимались скромные, шили наряды сами, но веселье было по высшему разряду. В 1978 году случай свел Сильвию с хореографом Еленой Леопольдовной Журавлевой из ансамбля Моисеева, которая предложила организовать танцевальный русский ансамбль. Ранее были подобные группы, но такого большого ансамбля не было: три группы, гастроли по Канаде и Америке, фирмен-

ное лого ансамбля, по 30 костюмов, 18 разных моделей, косы, сафьяновые сапожки, автобусы с лого. Назывался танцевальный коллектив «Полянка», выступления ансамбля всегда проходили с полным аншлагом. В Торонто в то время проходил фестиваль «Караван», и гвоздем программы всегда было выступление «Полянки». Педагог сменился, дети выросли, но дело осталось жить - Светлана Алексеевна Пендик сейчас руководит танцевальной группой «Полянка» при церковно-приходской школе Храма Святой Троицы. Игорь Петрович рисовал декорации для танцевальных постановок, а Сильвия Карловна шила костюмы, дочери же танцевали в ансамбле. Богатая, насыщенная событиями жизнь, дружная семья, здоровые дети - вот оно, счастье, после долгих мытарств.

Сильвия Карловна поддерживает очень тесную связь с племянницей. После отъезда в Канаду Ирины Андреевны, Виктория вышла замуж и переехала к мужу в Витебск, затем перебралась в Мурманск. В 1989 году, первый раз после 1943 года, Сильвия Карловна отправилась в Москву с паломнической поездкой, и туда же из Мурманска приехала племянница Виктория. Последний раз Сильвия Карловна видела ее, когда ей было 2 года. В 1991 году Виктория приехала в Торонто, в гости к Сильвии Карловне и Игорю Петровичу и пробыла у них 6 месяцев, она очень хотела побывать на могиле бабушки, которую она всю жизнь называла мамой.

На протяжении 58 лет Сильвия Карловна является тем человеком, благодаря которому традиционные русские балы в Торонто пользуются большим успехом, кажется - нет русского в Торонто, кто не знал бы о Сильвии Карловне, и мне иногда кажется, что многие идут на бал не только для того, чтобы сохранить русские традиции, поддержать Русское Общество, но еще и для того, чтобы встретиться с Сильвией Карловной и иметь честь общения с этой необыкновенной дамой. В 2008 году у Сильвии Карловны двойная круглая дата - 60 лет жизни в Канаде - стране, очень похожей на Россию, и в далекие страшные времена заменившей ее, и 80 лет со дня рождения.

Дорогая, многоуважаемая Сильвия Карловна! Русско-Канадское Культурно-Просветительное Общество поздравляет Вас с юбилеем и желает Вам здоровья, здоровья и еще раз здоровья. Спасибо Вам за Ваш бескорыстный труд в сохранении русских традиций, и дай Вам Бог здоровья на долгие годы!

Елена Клинаева

Россия и соотечественники

В.В. Путин, Президент России, 2000-2008г

Президиум Конгресса

Участники Конгресса и официальные лица

Зал заседания Конгресса

Соотечественник - понятие старое, еще толковый словарь Даля дает объяснение этому слову: «соотечественник - соотич, соотченка, рожденный в одном отечестве, отчизне». Начиная с конца 90-х годов встал вопрос о том, какое же количество русских находится сегодня в так называемом рассеянии по миру. В 2001 году в Москве правительством России был организован Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом, приветственное слово было от Президента Российской Федерации В.В.Путина:

«Добрый день, уважаемые друзья!

Уважаемые участники конгресса.

Я, прежде всего, хочу от всего сердца поприветствовать вас на Родине, в столице России Москве. Действительно, сегодня здесь собрались представители наших соотечественников, которые проживают в 47 странах мира. Этот Конгресс может стать этапным событием во взаимоотношениях между Россией и всеми теми, кто считает ее своей Родиной, где бы они ни проживали.

Исторические повороты XX века разбросали россиян по всему миру. И неизбежно вели к изломам судеб сотен тысяч наших людей.

Русскоязычное пространство - вместе с гражданами России - сейчас занимает пятое место в мире. Десятки миллионов людей, говорящих, думающих, а, может быть еще важнее - чувствующих по-русски, проживают за пределами Российской Федерации.

Вне зависимости от этого, вы сохранили связь с Отечеством. Это вы и ваши предки помогли сберечь культуру, память сотен лет российской истории. Испытания, выпавшие на долю не одного поколения соотечественников, только обострили чувство сопричастности к делам и судьбе Родины. И даже в самые сложные времена подавляющее большинство из вас было вместе с Отечеством.

По-настоящему сильная диаспора может быть - нисколько в этом не сомневаюсь - только у сильного государства. И сейчас, когда Россия вновь обретает и динамику, и авторитет, когда ломается привычная послевоенная структура мира, мы, тем более, должны быть вместе. И национальный успех России должен стать нашим общим успехом.

В заключение хотел бы выразить уверенность в том, что накопившиеся за долгие годы претензии диаспоры к российской власти действительно оправданы, хотя иногда и не вполне. Но я абсолютно уверен в том, что какие бы проблемы перед нами не стояли - ничто не помешает нам чувствовать и стать по настоящему единым народом.

Я желаю успехов в ваших делах. Благодарю за внимание.».

Смуты XX-го века разбросали соотечественников России по всей Вселенной. Те, кто были вынуждены после Революции покинуть Россию, сделали это вынужденно. За рубежом оказались русские патриоты. Трудно переоценить вклад, сделанный русскими эмигрантами в искусство, литературу, музыку, философию, инженерное и военное дело, а также религию.

Сильнейший патриотизм был передан детям и внукам, встречаются люди, которые уже не говорят по-русски, но чувствуют себя русскими.

Так уж получилось исторически, что в XX веке у Российского государства не было позитивного опыта выстраивания отношений с соотечественниками, жившими за рубежом. В силу разных причин, прежде всего идеологического характера, чаще всего зарубежную диаспору воспринимали не как друзей и родственников, а как врагов. Картина постепенно стала меняться во второй половине 80-х годов прошлого века. В начале нового XXI века укрепилось понимание необходимости налаживания отношений с теми, кто духовно связан с Россией.

Вне России сейчас проживает не менее 30 млн. соотечественников. Это те, кто оказавшись за пределами Родины в результате политических потрясений, войн и конфликтов, тем не менее считает свою судьбу связанной с Россией, кто вне зависимости от национальности, является носителем русской, российской культуры, считает родным языком русский.

Со своей стороны и современная Россия считает взаимодействие с диаспорой важным национальным вопросом.

В 2001 году президентом была утверждена концепция государственной политики Российской Федерации по поддержке соотечественников, конкретные мероприятия по сохранению и развитию русского языка, культуры, образования, информационного пространства.

В 2005 году работу разных ведомств, организаций, субъектов Федерации возглавил министр иностранных дел Российской Федерации С.В.Лавров.

Этапным моментом стало проведение в октябре 2006 года в Санкт-Петербурге Всемирного конгресса соотечественников с участием Президента Российской Федерации. В выступлении была подтверждена линия на поддержку соотечественников за рубежом. Основная цель состоит в том, чтобы российские соотечественники, оставаясь полноправными гражданами стран своего нынешнего проживания, имели возможность сохранить этнокультурную самобытность, духовную связь с Россией и ее культурой, а при желании - достойно вернуться на Родину.

Проведение конференции «Соотечественники и деловой мир» в Москве 26-27 ноября 2007 года также говорит о том, что государство привлекает бизнес-структуры в помощь работе с соотечественниками, дает возможность укреплять позиции русского языка и российской культуры за рубежом, создает позитивный образ страны на международной арене.

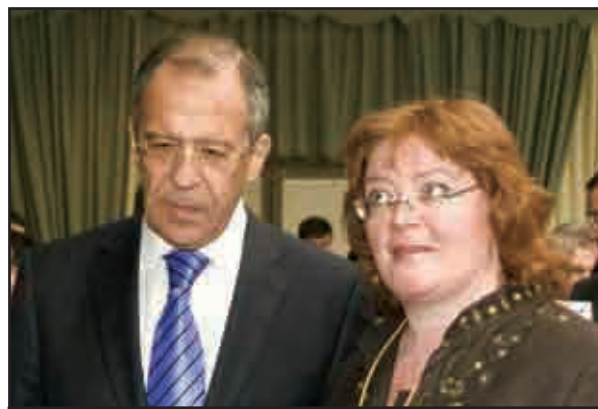
В эту деятельность свою лепту должен вносить российский бизнес, а также русскоязычные предприниматели за рубежом.

История государства российского знает немало примеров истинной благотворительности. Многие памятники русской и мировой культуры, благодаря российским меценатам дошли до наших дней, а имена Третьякова, Рябушинского, Морозова, Демидовых и многих других стоят в одном ряду с видными государственными и политическими деятелями России.

В мае 2008 года была проведена Международная конференция «Соотечественники и российские регионы», на которую приехало до 200 соотечественников более чем из 60 стран мира. 74 региона России было представлено на конференции. Привлечение российских регионов к работе с соотечественниками даст возможность оказывать поддержку более широкому кругу соотечественников, дифференцировать их связи с исторической Родиной, прежде всего этнокультурные, образовательные, а возможно и экономические.

Не все так просто и не все еще получается, но интерес и желание взаимодействия России и соотечественников, проживающих за рубежом - это главное, ведь дорогу осилит идущий.

Елена Клинаева

Мин. ин. дел России, участник Конгресса

Участники Конгресса и официальные лица

Граф П.П. Шереметев, пред. МСРС

СООТИЧ, ЗЕМЛЯК, КАЗАК...

Соотечественником следует считать человека, живущего за рубежом, но в российском культурном пространстве. Речь может идти о пятистах миллионах человек.

Соотечественник, -ница, соотич, соотченка, рождённый в одном отечестве, отчизне; соотич, наше(своё)земец, едино(одно)земец, соземец, земляк, родович, родинич, сородич; рождённый в одном с кем-то государстве, или в одной губернии, или одноперевице. Как видно, в головах у наших предков царил на сей счёт полная ясность, известное с детства слово не вызывало ни сомнений, ни желаний заняться филологической эквилибристикой. Но двадцатый век с его соци-

альными потрясениями изменил не только границы государств, но и человеческое сознание до такой степени, что теперь мы вынуждены заново определять для себя многие, казалось бы, привычные понятия. В нашем случае ошибка может обойтись очень дорого. Считать ли соотечественниками тех, для кого Советский Союз был единой страной, а теперь живущих в государствах с совершенно разными политическими устройствами, культурами и религиями? Считать ли соотечественниками

Ответ видится достаточно простым. После пораженческих настроений 90-х годов, после длительного периода политики национального самоуничтожения, наша страна стала на деле заботиться о расширении собственного политического влияния в мире. И на всех уровнях нашей власти пришло понимание того, что десятки миллионов людей, проживающих на разных континентах, но, несмотря на это, ассоциированных в единую российскую общность, могут представлять собой реальную политическую силу.

Для донского региона и для всего Северного Кавказа проблема

потомков наших эмигрантов, которые, несмотря ни на что, сохранили родной язык и традиции?

Директор Северо-Кавказского научного центра высшей школы Южного федерального университета, доктор философских наук Михаил Дмитриевич Розин прояснил ситуацию: в настоящее время соотечественником следует считать человека, живущего за рубежом, но в российском культурном пространстве. В связи с расплывчатостью формулировки, оценки численного количества наших соотечественников отличаются в разы. Наиболее оптимистично настроенные эксперты говорят о пятистах миллионах человек. Те же, кто поскромнее, считают, что речь может идти о двадцати пяти миллионах. Но даже этот минимум составляет 23 процента от общей численности населения России. А это уже сулит нешуточные перспективы, в особенности если дело не пускать на самотёк, а проводить грамотную и последовательную работу. В Китае, например, такая работа проводится на уровне государственного совета.

А что же Россия? История этого вопроса уходит корнями в далёкое советское прошлое. Заместитель директора историко-краеведческого музея «Старочеркасск» Михаил Павлович Астапенко рассказывал о первых контактах с потомками донских казаков - эмигрантов первой волны - ещё в начале 70-х годов. С крушением советской системы число таких контактов возросло в геометрической прогрессии. Но происходили они бессистемно. В эти годы появилась новая проблема: защита прав соотечественников, которые стали повсеместно подвергаться дискриминации в странах ближнего зарубежья. В мае 2002 года был издан указ о поддержке соотечественников за рубежом. Сравнительно недавно появилась программа работы с соотечественниками на период с 2006 по 2008 год.

Возникает естественный вопрос: почему Россия столь активно обращается к этой теме именно теперь?

соотечественников за рубежом стоит особенно остро. Обычно принято говорить о четырёх волнах эмиграции, которые последовательно пережили сначала гибнущая Российская империя, а затем Советский Союз. Но не следует забывать, например, и о вынужденном переселении адыгов в Османскую империю в XIX веке, и о сталинской депортации чеченцев и ингушей, балкарцев и карачаевцев. Сегодня в Турции и Сирии, Египте и Иордании существуют многочисленные общины адыгов, с которыми постоянно контактируют граждане России. Кстати, малочисленные народы Северного Кавказа вообще не употребляют слово «соотечественник». Они, не мудрствуя лукаво, считают братьями всех своих соплеменников, где бы те ни проживали. Другая болезненная для Северного Кавказа тема - это трагедия казачества. Огромные диаспоры казаков живут в Австралии, Канаде и США. Налаживание связей с ними имеет не только гуманитарное значение. Это ещё и попытка залечить раны, нанесённые гражданской войной.

*Александр Пряжников
Ростблт.юг., «Русский век»*

День Петра и Февронии - день супружеской любви и семейного счастья.

8 июля, во всех храмах Русской православной церкви будут совершены литургии, посвященные святым Петру и Февронии Муромским.

Впервые в России этот день будет отмечаться как Всероссийский день семьи, любви и верности.

В апреле этого года супруга президента России Светлана Медведева посетила Муром, где обсуждался будущий российский праздник - День любви, семьи и верности.

Ранее Совет Федерации одобрил идею сделать православный день поминовения святых Петра и Февронии светским праздником. «Праздник будет отмечаться 8 июля, - напомнила Светлана Медведева. - Мы проведем его в русле русских традиций. Поэтому эмблемой праздника можно сделать ромашку - настоящий русский цветок».

Пока День любви, семьи и верности останется общенародным праздником, но супруга президента России выразила желание сделать его общегосударственным, а это значит, что 8 июля, возможно, станет выходным днем.

В Москве откроют сразу два необычных символа - скамью «примирения» на пересечении Лаврушинского переулка и Кадашёвской набережной, и лавку, которая «окрылит» влюблённых в парке Кузьминки.

Брак Петра и Февронии является образцом христианского супружества. Благоверный князь Петр был вторым сыном Муромского князя Юрия Владимировича. Он вступил на Муромский престол в 1203 году. За несколько лет до этого князь Петр заболел проказой, от которой никто не мог его излечить. В сонном видении князю было открыто, что его может исцелить дочь «древолазца» бортника, добывавшего дикий мед, Феврония, крестьянка деревни Ласковой в Рязанской земле.

День семьи

Дева Феврония была мудрой, ее слушались дикие животные, она знала свойства трав и умела лечить недуги, была красива, благочестива и добра. Князь пообещал жениться на ней после исцеления. Св. Феврония исцелила князя, однако он не сдержал своего слова. Болезнь возобновилась, Феврония вновь вылечила его и вышла за него замуж.

Когда он наследовал княжение после брата, бояре не захотели иметь княгиню простого звания, заявив ему: «Или отпусти жену, которая своим происхождением оскорбляет знатных барынь, или оставь Муром». Князь взял Февронию, сел с ней в лодку и отплыл по Оке. Они стали жить простыми людьми,

радуясь тому, что вместе, и Бог помогал им.

В Муроме же началась смута, многие пустились домогаться освободившегося престола, пошли убийства. Тогда опомнились бояре, собрали совет и решили звать князя Петра обратно. Князь и княгиня вернулись, и Феврония сумела заслужить любовь горожан.

В преклонных годах, приняв монашеский постриг в разных монастырях с именами Давид и Евфросиния, они молили Бога, чтобы им умереть в один день, и завещали тела их положить в одном гробу, заранее приготовив гробницу из одного камня, с тонкой перегородкой.

Скончались они в один день и час - 25 июня (по новому стилю - 8 июля) 1228 года.

Сочтя погребение в одном гробу несовместимым с монашеским званием, их тела положили в разных обителях, но на следующий день они оказались вместе. Погребены были святые супруги в соборной церкви Мурома, в честь Рождества Пресвятой Богородицы, возведенной над их мощами по обету Иоанном Грозным в 1553 году. Ныне открыто почивают в храме Святой Троицы Свято-Троицкого монастыря в Муроме.

<http://luxury-info.ru>

ЛИЧНОСТЬ

20 июня 2008 года
на 57 году ушёл из жизни
Валерий Александрович Токмаков

Удивительная штука жизнь. Мы встречаем тысячи людей на протяжении всей жизни, и только некоторые из них, единицы, остаются у нас в памяти, в сердце.

Таким человеком был Валерий Токмаков. Тяжело говорить о нём БЫЛ, говорить в прошедшем времени, это означает, что память о нём жива в сердцах, умах и душах. Абсолютно невероятно - молодой, красивый, талантливый, энергичный, ушёл из жизни в расцвете лет, полный грандиозных проектов, замечательных планов. Как жестока жизнь, что имеем не храним, потерявши плачем. Так получается, что когда человек уходит в иной совершенный мир, мы вспоминаем только хорошее, а хорошего всегда очень много.

Есть такое понятие в жизни, когда человек везде, всегда ПЕРВЫЙ, это особо применимо к Валерию Токмакову.

ПЕРВЫЙ создал телевизионную программу на русском языке «Прекрасное далёко», которая впоследствии стала прототипом «Русских волн».

ПЕРВЫЙ начал собирать архив русской общины Торонто, Канады.

ПЕРВЫЙ, кто верил и прикладывал все свои усилия для объединения русской общины.

ПЕРВЫЙ профессионал в области телевидения на русском языке в Канаде.

ПЕРВЫЙ, кто бескорыстно поддерживал русские общественные организации и культурные проекты.

Говорить ПЕРВЫЙ можно до бесконечности и перечислять награды, должности и заслуги. Невосполнима потеря, но одно ясно - этот человек был ЛИЧНОСТЬЮ - яркой и неординарной.

Фото Максин Гранде, летний лагерь «Рускока»

**Выражаем глубокие соболезнования
родным и близким в невосполнимой утрате.
Царствие небесное и да будет земля ему пухом.**

Редакция журнала «Наследие»
Правление Русско-Канадского
Культурно-Просветительного Общества
Правление Русско-Канадского Фонда
культурного наследия им. М.Н.Благовещенской

Никто не забыт, Ничто не забыто

*День Победы, как он был от нас далёк,
как в костре потухшем таял уголёк.
Дни и ночи обгорелые, в пыли,
этот день мы приближали как могли.*

*Фото Оксаны Шлахтер и офицера
Российской армии*

День Победы! Победа! 9 мая! Как много вложено в эти слова. Нет, кажется, ни одного человека, равнодушного к этому событию.

Любая война - это смерть, потери и разрушения, но Вторая Мировая война была просто чудовищна по количеству невинно погибших людей, сломанных судеб, разбитых семей, разрушенных городов. До сих пор мир содрогается от слова «фашизм».

Сегодняшняя наша жизнь и будущее наших детей оплачены жизнями героев, погибших ради нас в годы войны.

Никто не забыт и ничто не забыто. Так сложилось, что несколько лет у нас в Торонто поздравления ветеранов проходят в разных местах города, но Русско-Канадское Культурно-Просветительное Общество традиционно гостеприимно распахнуло свои двери, двери «Русского Дома» героям войны, чтобы от всей души поздравить с праздником Победы.

Организаторы встречи с ветеранами готовились к поздравлению с большой отдачей, очень хотелось сделать это событие запоминающимся и торжественным. Шарик в цветовой гамме российского флага, плакаты, посвящённые 9 мая, угощение и цветы на столах, прекрасный концерт, подготовленный русским фольклорным театром «Русский

ранов и другие русские культурные проекты постепенно развеют это незнание, главное, чтобы была жива память о героях. Прекрасный пример этому был на канадской военной базе, где наши российские военные организовали празднование 9 мая. На базе проходят стажировку порядка 17 национальностей из разных стран, и наши военные пригласили всех на празднование. Замечательный пример того, что память жива. Военные во все времена в России считались категорией особенной, сегодня, как и в прошлые годы, Россия может гордиться своими офицерами.

Поздравление ветеранов генеральным консулом Российской Федерации в Торонто Андреем Викторовичем Векленко были очень душевными и по-человечески тёплыми.

Хороший концерт, сценарий которого был написан Аллой Гейниш, расстрогал всех гостей встречи. Была передана атмосфера военных лет, весь коллектив вложил душу в концертную программу, и у многих ветеранов выступали слёзы

стиль» под руководством Аллы Владимировны Гейниш. Организованная Генеральным консульством акция «Георгиевская ленточка», лишний раз подтвердила, что в какой бы стране не находились ветераны Второй Мировой войны, Родина их помнит и чтит.

Дополнительную торжественность и преемственность в защите Родины, мира и спокойствия привнесло присутствие военных российской армии, которые дважды в год проходят стажировку в изучении английского языка на военной базе в Канаде «Base Borden». Для нас, проживающих в Канаде, уже не секрет, что «победу в войне одержала американская армия». Какая страшная несправедливость, но отсутствие информации и общения может это объяснить. Общественные организации вете-

на глазах.

Приятной частью концерта было выступление наших российских военных, которые исполнили песни военной тематики.

Замечательно смотрелись самые маленькие участники концерта с песней «Солдатушки бравы ребятушки». Они были той маленькой радостью, ради которой в годы войны защитники отечества шли на верную смерть.

Для всех, кто устроил праздник для ветеранов было очень приятно услышать слова благодарности от ветеранов, один из которых сказал, что в свои 90

«Дом, который построил... Ты»

лет бывал на многих празднованиях 9 мая, но этот праздник в стенах «Русского Дома» был самый душевный и теплый. Для волонтеров Русско-Канадского Культурно-Просветительного Общества, сотрудников Генерального

консульства, участников концерта, российских офицеров, слова благодарности и слезы счастья в глазах ветеранов были самой большой наградой за вложенное тепло и любовь к людям, которые дали жизнь нам. Дорогие ветераны, дай Бог вам здоровья, низкий вам поклон, и чтобы всегда было мирное время.

Елена Клинаева

Берёзки

«Берёзки» - чудное название.
В душе встаёт воспоминанье
О милой Родине моей.

Среди берёз и тополей
Был скромный домик небольшой,
Где я жила своей семьёй.

О, Боже, кто бы мог сказать,
Что мне придётся доживать
Мой век в неведомой стране,
Второй отчиной ставшей мне.

Так, после долгих лет скитаний,
И неудач, и ожиданий,
Благословенная Канада,
О, как тогда была я рада,
Нас приютила в добрый час.

Берёзки, домики, уют,
Душою отдыхаешь тут,
И слышишь русский разговор,
Входя в гостеприимный двор.

Здесь летом весело - гулянье,
И в светлом озере купанье.
Так в будний день и в воскресенье
Есть в церкви здесь богослуженье
И собирается народ.

И так уже который год
Мы в этот день большой семьёй
Справляем праздник храмовой.

*Алина Францевна Рубинская
1 августа 1982 год*

В конце сороковых из Европы в Северную Америку хлынул поток людей разных национальностей, профессий, возрастов, социального положения. Все они имели одно общее – ярлык “DP”(Deplaced person) – “перемещенные лица”. Перемещенные из своей страны, из своего дома, из своей жизни – в открытый космос чужого языка и чужих обычаев. Позади остались ужас войны, потеря близких, голод, скитания, лагеря для беженцев. Впереди была жизнь.

По условиям контракта, первый год в Канаде “DP” должны были отработать на “черной” работе. Молодые мужчины, лесоповале. Работали санитарями в доме для умалишенных, служили прислугой в богатых домах, мыли посуду. Выживали.

Канада пятидесятых годов не имела ни социальных институтов, которые кажутся привычными сегодня, ни понятия о политкорректности. Не существовали пособия по безработице, по бедности, медицинские страховки. В трамвае могли попросить не говорить между собой по-русски: “It is an English country! English, please!”

Но жить было надо. И жить хотелось – война окончена, мы молоды, мы вместе! Птица вьет свое гнездо на пепелище – жизнь продолжается!

Жарким летним днем 1953 года компания молодых людей приехала на берег озера Симко. Среди них молодожены Мария и Николай Слинько, еще незамужняя Ася Артюхова. Песчаный пляж, прозрачная вода, вокруг – лес, а в лесу – березки!!! А земля-то продается...Весь день бродили, мечтали, обдумывали. Вечером развели костер на берегу и спать устроились в машине под звездами. Вот так и был здесь “город заложен”- молодыми, уже много пережившими русскими людьми.

Первый участок купили вкладчину за 500 долларов. Сначала жили в палатках. Постепенно строились. Миром! Поселок разрастался. Каждый домик возводили сообща. Антон Фурлани из типографии, где работал, приносил списанные деревянные ящики из-под книг. Ящики разбирали и досочками облицовывали дома.

Через год отец Сергей Шукин освящал участок семьи Артюховых. После молитвы встал Дмитрий Абушаев: “Жертвую свой участок на церковь!” Тут же, на вырванном из тетрадки листочке, составили договор и подписали. Открыли календарь посмотреть, какой праздник сегодня – оказалось, Смоленской Божией Матери Одигитрии. А Артюховы все как раз смоленские...

Так и стала Матерь Божия Заступницей и Покровительницей наших Березок.

Первый алтарь устроили тоже сначала в палатке. Молились, стоя на улице.

В 1958 году был освящен фундамент деревянной церкви. Работников не нанимали, все делали сами – и камни таскали, и купол крыли. Летом 1962 отец Сергей освятил новую церковь и отслужил первую Литургию. За храмом - лес, речушка болотистая, камыши. И засиял в вышине наш крест православный, освящая и просвещая и небо, и землю, теперь уже не чужую, а свою, русскую землю – вдали от России.

Шло время, все больше семей селились на лето в Березках и окрест. Отдых, раздолье, а по Воскресным дням – служба в церкви. Окормлял приход отец Сергей, его усилиями был создан Свято-Владимирский кружок для молодежи. Изучались основы православной веры, духовной жизни и религии в современном мире. Для детей организовывали игры, занятия русским языком, выступления, костры. Во многих семьях выросло не одно поколение в Березках: Сухачевы, Ивановы, Хендерсоны, Сокуты, Григо-

рьевы, Фурлани, Слинко, Ольховские, Интенберг, Безуглые, Талановы, Маккай, Батюшины, Печниковы, Вороновские... Трудно в короткой статье упомянуть всех. Кто не знает, как сложно сохранить в семье русский язык, живя вне России. Все “березковские” дети по-русски говорят и, теперь уже сами мамы и папы, по мере сил передают своим детям язык предков.

Маленький храм уже не вмещал всех прихожан, и в 1980 году, по проекту архитектора Бориса Лебединского, была построена новая каменная церковь, которая и сегодня украшает и дополняет окрестный пейзаж в самом конце улицы Birch. Часть икон для иконостаса была пожертвована господином Фесенко, заалтарная роспись и евангелисты выполнены известным иконописцем И.П.Сухачевым, а его отец П.П.Сухачев написал надвратную икону Божией Матери.

Дети росли, родители старились – пришло время подумать о немощных и пожилых. Б.Лебединский спроектировал старческий дом с удобными квартирами, библиотекой, спортивным залом, помещением для приемов. Старческий дом был торжественно освящен в 1992 году в присутствии Митрополита Виталия, к сожалению, уже после кончины архитектора.

Много новых молодых семей стали селиться в уже обжитом месте – удобно, красиво, близко от Торонто.

И каждый год, в начале августа, происходит храмовый праздник в Березках в честь Смоленской иконы Божией Матери. Накануне праздника – суматоха. Весь поселок в движении: мужчины расставляют столы и лавки под навесом у церкви, дамы готовят трапезу. В каждом дворе кипит работа, заняты все – от мала до велика. Шутка ли, принять и накормить 400 человек, а иногда и больше народу съезжается в этот день из Торонто, Лондона, Гамильтона, Монреаля, из Америки и России. И вот – праздничное утро. Удар колокола возвещает о начале Литургии. Столы под навесом уже белеют скатертями, идут последние приготовления. Все молящиеся в церковь не вмещаются, люди стоят вокруг храма, двери и окна распахнуты, и сливаются слова Богослужения с пением птиц. Воистину “Всякое дыхание да хвалит Господа!”. Праздничная служба, как на Пасху, завершается Крестным ходом. Торжественно поет хор: “Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Владычица...”. Выносят иконы Божией Матери, Спасителя, святых, несут хоругви. Трижды с пением и молитвой обходят вокруг храма. Много детей и молодежи. Мама, бабушки и прабабушки привили им любовь к храму, к Празднику – поэтому все стараются в этот день приехать, даже издалека. Это их родной, домашний праздник, их большая семья. После службы – трапеза, встречи, воспоминания. И молитва – о здравии сестричества, всех трудившихся и присутствующих. А в конце трапезы поется “Вечная память” ушедшим: протоиереям Сергию Шукину и Георгию Беляй, Димитрию Абушаеву, Елизавете и Якову Артюховым, Николаю Слинко, многолетнему старосте Василию Юзенчуку, Борису Лебединскому, Николаю Гитову и всем усопшим прихожанам храма сего.

А на лужайке бегают и шалют уставшие от долгого обеда ребятки – будущее наших Березок.

Маша Семёнова

«Караван» - прекрасный этнический фестиваль, который проходил в Торонто на протяжении более 30 лет.

Участвовало в фестивале 50 национальностей, и все имели свой национальный павильон, располагались они в разных районах города. Посетить все павильоны можно было на протяжении всего фестиваля. Курсировал автобус, который перевозил от павильона к павильону гостей. Удивительная возможность - будучи в одном городе ощутить чувство кругосветного путешествия. Побывать в Японии, Германии, Кубе, Чили, Польше, Филиппинах, России и так далее.

К сожалению, на сегодняшний день фестиваль не функционирует, но будем надеяться, что это временное явление, так называемая возможность накопления потенциала.

В этом номере мы хотим начать рассказ о русском павильоне «Новгород». История фестиваля богатая и разнообразная.

«Прошло много времени после «Каравана». Много было сделано нами, русскими, для проведения «Каравана», но очень мало появилось в печати об этом трудном и интересном мероприятии.

Многонациональный «Караван» в Торонто - это уникальное мероприятие в Северной Америке, с которого берут пример другие города Канады и США. Благодаря «Каравану» этнические группы города Торонто имеют возможность знакомиться с культурой, характером, нравами и обычаями друг друга. В это время между разными национальностями завязываются дружеские отношения. Русский павильон посетили мэры и принцессы арабского, украинского, польского и др. павильонов. Представители русского павильона были почётными гостями у многих.

Наш русский павильон «Господин Великий Новгород» занял достойное место среди многочисленных павильонов гор. Торонто. Несмотря на невыгодный и отдалённый от центра города район, крохотное помещение и страшную жару, наш павильон пользовался большим

успехом. Все 9 дней «Каравана» наш дом был переполнен посетителями.

Мы получили много комплиментов от «иностранцев» за наше гостеприимство, вкусный традиционно русский буфет и за уютную домашнюю атмосферу, царившую в павильоне.

Как приятно было видеть русских людей гор. Торонто, которые проявили такой энтузиазм и самопожертвование в осуществлении этой трудной задачи. Ведь более ста человек бескорыстно принимали участие в подготовке пищи, сувениров и помещения, а также работали в течении всех 9 дней «Каравана». Здесь видно было, как много друзей имеет Русско-Канадское Культурно-Просветительное Общество.

Кухней заведовали три неутомимых хозяйки: Е.Л.Федосова, М.Я.Слинько и С.К.Сухачёва со своими группами. И надо сказать, что всё было организовано безукоризненно.

Художественное оформление выполнила наша

«Караван»

1977 год

художница Н.П.Сухачёва. Выставкой русских художественных изделий заведовала Е.В.Мокиевская.

На сцене было занято более 40 человек, которые ежедневно давали по 2 - 3 концерта и с достоинством справились с этой трудной задачей. Художественной программой заведовала Э.В.Майдан.

Нельзя не отметить русский инструментальный ансамбль «Радуга» под управлением талантливой г-жи Аллы Лопач. К сожалению, мы не слышали нашей любимой певицы Жени Третьяковой, которая поёт под аккомпанемент «Радуги».

Группа под управлением Николая Котова много помогла успеху павильона. Цыганский ансамбль «Соня и Рита» украсил концерт. Их прекрасное пение, полное жизни и веселья, были достойно оценено публикой.

Лю-

Мэром «Новгорода» был А.Д.Климов, который блистал приветливостью и гостеприимством. Кроме роли мэра, он исполнял обязанности конферансье, где он также был очень хорош и остроумен.

И, наконец, принцессой павильона была очаровательная Лена Наумова, которая поль-

зовалась большим успехом как среди русских, так и среди иностранцев, была центром внимания на приёме прессы и на приёме у мэра Торонто. Лена с гордостью носила титул «Мисс Новгород 1977».

Комиссия по устройству «Каравана» 1977 г., под председательством Д.С.Завиши, вложила много труда и стараний в устройство нашего русского павильона «Господин Великий Новгород»

Всем помогавшим в работе «Каравана» большое русское спасибо от правления Русско-Канадского Культурно-Просветительного Общества и от всей русской колонии.

Простите, что не перечисляю имена всех помогавших, но это невозможно из-за их многочисленности.»

б и т е л я м
музыки большое удовольствие доставил своей игрой на аккордеоне виртуоз Борис Векслер.

Экспромтом выступила посетившая наш павильон Маруся Бахлова, бесподобно исполнив несколько настоящих русских народных песен.

Нельзя также не сказать о наших молодых танцорах, их было две группы. Выступали они каждый день, а это было тяжело и утомительно. Своей молодостью, прекрасными костюмами, они украшали нашу сцену, а нам, старшему поколению, было отраднее видеть будущую смену. Молодёжь очень много помогала также в технической работе и отлично с этим справлялась.

*По поручению правления общества Н.М.Аксон
журнал «Русское слово в Канаде»
№265, январь 1978 год*

НОВЫЙ ПЕРВОИЕРАРХ РПЦЗ

Митрополит Иларион (в миру - Игорь Алексеевич Капрал) родился 6 января 1948 года в городе Спирит Ривер (Канада, провинция Альберта) в семье украинских крестьян, эмигрировавших с Волыни в 1929 году.

В 1967 году поступил в Свято-Троицкую Духовную семинарию в Джорданвилле (США). В 1972 году окончил курс обучения в семинарии и поступил в братию Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

2 декабря 1974 года послушник Игорь был пострижен с именем Иларион в честь преподобного Илариона, схимника Печерского.

В 1975 году архиепископом Сиракузским и Троицким Аверкием рукоположен во диакона, в 1976 году - во пресвитера епископом Манхеттенским Лавром (впоследствии - Митрополитом Восточно-Американским и Нью-Йоркским). В том же году иеромонах Иларион закончил курс Сиракузского университета. Проходил послушания редактора английской версии журнала «Православная жизнь» и наборщика в монастырской типографии.

10 декабря 1984 года хиротонисан во епископа Манхеттенского собором архиереев Русской Зарубежной Церкви, который возглавлял её Первоиерарх Митрополит Филарет (Вознесенский). Назначен заместителем секретаря Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви.

В 1995 году назначен епископом Вашингтонским с пребыванием в Нью-Йорке. 20 июня 1996 года назначен архиепископом Сиднейским и Австралийско-Новозеландским. В 2003 году награждён правом ношения брилли-

антового креста на клобуке.

С 2006 года - первый заместитель председателя Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви.

После кончины Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви Митрополита Лавра (16 марта 2008 года) архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский Иларион являлся исполняющим обязанности председателя Архиерейского Синода.

Поздравительное послание святейшего Патриарха Алексия II новому главе РПЦЗ Митрополиту Иллариону

Ваше Высокопреосвященство, возлюбленный о Господе Владыка, Христос Воскресе!

В эти пасхальные дни, когда весь православный мир радуется о Христе Воскресшем, Мы с удовлетворением восприняли весть о Вашем избрании Первоиерархом Русской Зарубежной Церкви и совместно с членами Священного Синода Русской Православной Церкви канонически утвердили сие избрание.

Год назад подписание Акта о каноническом общении положило конец многолетнему разделению между Русской Зарубежной Церковью и Церковью в Отечестве. Этого события ждали многие верующие. Радость и слёзы умиления мы видели на лицах богомольцев, прибывших с различных континентов мира для участия в великом торжестве единения. За прошедшее время многое было сделано для утверждения восстановленной целостности Русской Церкви. Теперь и те, кто испытывал поначалу сомнения, в большинстве своём уверены, что единство стало исполнением воли Божией. Многим даже представляется удивительным, что всего год назад мы ещё не могли разделять вместе чашу Божественного Причащения. В укреплении доверия и взаимного общения была

особенно велика роль Вашего блаженнопочившего предшественника Высокопреосвященнейшего Митрополита Лавра. Владыка служил единству в своей жизни, и его праведная кончина объединила в молитве о нём чад Русской Церкви, в Отечестве и в рассеянии сущих.

Ныне Вы, Ваше Высокопреосвященство, призывается Господом к продолжению богоугодного труда по преодолению всех последствий былых разделений. Мы также будем вместе созидать будущее нашей Родины, утверждая унаследованные нами духовные ценности Святой Руси в жизни всех её детей, где бы они сегодня ни находились.

Разделяя с архипастырями, пастырями, монашествующими и мирянами Русской Зарубежной Церкви радость нынешнего торжества Вашего наставления, молимся Всеблагому Господу об укреплении Ваших сил и даровании Вам всего потребного для исполнения послушания, возложенного на Вас Промыслом Божиим и изволением Священноначалия церковного.

На многая лета, Владыка!
С любовью о Воскресшем Господе,
АЛЕКСИЙ,
Патриарх Московский и всея Руси

Поздравление от редакции
Русско-Канадское Культурно-Просветительное Общество,
Русско-Канадский Фонд Культурного Наследия им. М.Н.Благовещенской,
Редакция журнала «Наследие»

Поздравляет Владыку Митрополита Иллариона с избранием и желает ему доброго здоровья и помощи Божией в нелегких трудах Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви.

Поздравляем дорогого протоиерея отца Владимира Мальченко,
настоятеля Храма Святой Троицы с днем ангела!
Желаем много лет здравствовать на пользу Русской Зарубежной Церкви!

Редакция журнала «Наследие»
Правление Русско-Канадского Культурно-Просветительного Общества
Правление Русско-Канадского Фонда Культурного Наследия им. М.Н.Благовещенской

СВЯТОЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

Киев древний, град престольный,
Вырос в памяти моей:
В золотоглавых храмах солнце
Отражает блеск лучей!
Днепр - красавец гонит волны
Темносиние свои;
Рощи слушают безмолвно,
Как рокочут соловьи...
Вековые вязы, липы в тихом шелесте своем
Шепчут чудные сказанья о Владимире Святом:
- «Был Великий Князь могучий -
Князь языческой Руси;
В ратном деле грозный воин
Для врагов своей земли.
Благодатью озаренный
Бога - сердцем он постиг,
Возлюбив Христа, смиренно
Храмы Божие воздвиг.
Освятил он Русь - крещением,
Сверсив идольских богов;
Божьей Правдой с дерзновеньем
Побеждал своих врагов.
Главу, пышность отвергая,
Нес он подвиг трудовой,
Красным солнышком сияя,
Правил Русью Князь Святой» -
Шепчут липы: и невольно был встает передо мной,
Слышу звон я колокольный, что несется за рекой.
И идет народ толпою Князя-Солнышко встречать...
Громче гусли! Град престольный нынче будет ликовать!

Любовь Твердохлебова

Крещение Руси Князем Владимиром как феномен русской истории

Ведя речь о Крещении Руси, главнейшем событии древней истории нашего Отечества, следует прежде заметить, что под этим следует понимать не совсем то Крещение или Просвещение, которое свершается над отдельным человеком при вступлении его в Церковь. Такое отождествление Крещения Руси приводит к довольно ошибочным представлениям об этом историческом событии. Строго говоря, Крещение Руси было, прежде всего, актом утверждения христианства, его победой над язычеством в смысле политическом (поскольку речь идёт именно о государстве, а не отдельной личности). С этого времени христианская Церковь в Киево-русской державе становится не просто общественным, но и государственным институтом. В общих чертах, Крещение Руси было ничем иным, как учреждением поместной Церкви, управляемой епископатом на местных кафедрах, которое осуществилось в 988 г. (возможно 2-3 годами позднее) по инициативе великого князя Владимира (+1015).

Однако рассказ наш был бы непоследователен, если прежде не представить те условия, в которых проникло и утверждалось у нас христианство и с каким религиозным миром, а именно язычеством, пришлось столкнуться на Руси христианской проповеди.

Итак, языческий культ древних славян не представлял в сущности ничего строго регламентированного. Поклонялись стихиям видимой природы, прежде всего:

Дажь-богу (божество солнца, податель света, тепла, огня и всяческих благ; само светило называли Хорсом) и Велесу (Волосу) — скотьему богу (покровитель стад). Другим важным божеством был Перун — бог грозы, грома и смертоносной молнии, заимствованный из балтийского культа (литовский Перкунас). Ветер олицетворялся Стри-богом. Небо, в котором пребывал Дажь-бог, звалось Сварогом и считалось отцом солнца; почему Дажь-богу и усвоено было отчество Сварожича. Почиталось также божество земли — Мать-земля сыра, некое женское божество — Мокош, а также податели семейного блага — Род и Рожаница.

Тем не менее образы богов не получили у славян той ясности и определённости как, например, в греческой мифологии.

Неупорядоченность языческого культа свидетельствовала о его живой практике среди дохристианских славян. Это был даже не культ, а натуралистический способ мировидения и мировосприятия.

Уже в древний период эти стойкие мировоззренческие категории были адаптированы христианством, как бы трансформировались в христианские символы, приобретая порой вполне христианское знаковое наполнение. В результате, например, именем Хор(о)са, символизировавшего солнце как некий огненный круг (хоро, коло) на небе стали называть округлое паникадило, источающее свет в церкви, расположенное, между прочим, под куполом, также символизирующем в храмовой символике небосвод.

Ещё более культа видимой природы у восточных славян был развит культ предков. Давно умерший начальник рода обоготворялся и считался покровителем своего потомства. Звался он родом или шуром (прашуром). Ему также приносились растительные жертвы. Такой культовый порядок зародился и существовал в условиях родового быта древних славян. Когда же в более поздние времена дохристианской истории родовые связи начали распадаться, и семьи обособлялись в отдельные дворы, привилегированное место рода заступил семейный предок — домовый, покровитель двора, невидимо управляющий его хозяйством. Древний славянин верил, что души умерших продолжают бродить по земле, населяя поля, леса, воды (лешие, водяные, русалки) — вся природа казалась ему наделённой некоей душой. Он стремился к общению с ней, участию в её переменах, сопровождая эти перемены праздниками и обрядами. Так создавался годичный круг языческих праздников, связанных с почитанием природы и культом предков. Наблюдая правильную смену зимы и лета, славяне чествовали дни осеннего и весеннего равенства праздниками коляды (или овсень), встречали весну (красная горка), провожали лето (купала) и т.д. Параллельно шли праздники об умерших — тризны (застольные поминки).

Впрочем, нравы древних славян «особым» благо-

честием не отличались, к примеру, практиковалась кровная месть. Вплоть до Ярослава Мудрого княжеская власть на Руси судебных функций не имела, а наказание виновного было делом родственников потерпевшего. Государство, разумеется, в такой самосуд не вмешивалось, рассматривая его как элемент обычного права (пережиток догосударственных родовых отношений). Кроме того, распространялась торговля невольниками. И, хотя это не составляло основную отрасль экспорта, как, например, у норманнов, однако не гнушались этим и славяне, пусть не в столь широком масштабе.

Главный вывод, который должны мы сделать, — славяне не имели и отдалённого

представления о едином Боге-Творце, которое имеет христианство. Языческая религия славян была отнюдь не богоищущей, как, например, язычество античных греков, а природоведческой, удовлетворявшейся наблюдением и поклонением неведомым природным стихиям. Этот факт, пожалуй, наиболее красноречиво свидетельствует о характере восприятия нового для славян христианства и его связи с традиционным язычеством. Таким образом, то, что всем славянам, в том числе и нашим, суждено было принять св. Крещение, есть великое участие промысла Божья, иже всем человеком хочет спастися и в разум истины прийти.

Ошибочно также было бы представлять, что Крещение Руси «принесло» христианство на Русь. Напомним, что это было лишь политическим утверждением Христовой веры и Церкви на землях, лежащих вдоль знаменитого караванного пути «из варяг в греки», где христианство не могло не быть известным уже хотя бы в силу активного социо-культурного обмена, связанного с международной торговлей и рынком рабочей силы (гл. обр., военной). Что же представляло собой довладимирское христианство и каковы источники его проникновения?

Прежде всего, следует вспомнить, что много лет на Киевском столе правила княгиня-христианка — св. Ольга (945-969); если сомневаться ещё в христианстве князя Аскольда (...-882). Уже в тексте договора с Визан-

тием под 944 г. упоминается соборная церковь св. прор. Илии, а также, по словам летописца, мнози беша (были) варязи христиане (Повесть временных лет; далее — ПВЛ). И если блаженная Ольга не успела привлечь к правоверию своего единственного сына Святослава, т.к. на момент принятия ею христианства (944) он был уже достаточно взрослым человеком, к тому же поглощённым страстью к военным подвигам, то, не исключено, что преуспела она в отношении своих внуков — Ярополка и Владимира, тем более, что старший из них — Ярополк находился на её попечении лет до 13, а Владимир был ещё несколькими годами младше.

Во всяком случае, нам известно, что Ярополк, будучи правителем политически «некрещеного» государства, весьма покровительствовал христианам: христианомаде волю велику, как читаем в Иоакимовской летописи. Таким образом, есть все основания полагать, что в 80-е гг. X в. в Киеве уже не только многие варяги и бояре, но и отчасти простые горожане, не говоря уже о купцах, крестились и были христианами. Но большинство жителей, как древней столицы, так и других крупных городов, бесспорно, были язычниками, довольно мирно уживавшимися с христианским меньшинством. Наиболее консервативным было население деревень; культивирование языческих верований здесь сохранялись ещё многие столетия.

Особо следовало бы остановиться на последних двух десятилетиях перед Крещением. У прославленного завоевателя Святослава, сына Игоря и св. Ольги, было три сына. Старшего, Ярополка отец ещё при жизни посадил в Киеве (предпочитая проводить жизнь в военных походах вдали от столицы), Олега — в Овруче, а младшего, Владимира — в Новгороде. Но по малолетству назначил им в управители своих воевод: Ярополку — Свенельда, а Владимиру — его дядю, Добрыню. В точности не известно, в силу каких причин между братьями возникла ссора, следствием которой была гибель Олега и бегство Владимира за море к варягам, но более правдоподобно было бы относить её, скорее, к интригам воевод-регентов, нежели на совесть юных князей.

Так или иначе, Ярополк при этом воцарился в Киеве и ненадолго явился единодержавным князем (972-978). Между прочим, его правление было ознаменовано рядом важных событий. Так, в 973 г. русские послы были направлены с богатыми дарами в резиденцию Германского императора Оттона I. Цель посольства нам не известна, но вероятнее всего император Священной Римской империи (как это официально называлось) выступал неким посредником в переговорах Руси с Римом. Без протекции этой важнейшей персоны центральной Европы непосредственные контакты между «варягами» и «римлянами» даже по вопросам миссионерства в то время были вряд ли осуществимы. В результате в 979 г. в Киев прибывает посольство от Папы Бенедикта VII. Это было первым прямым сношением Руси с Римом, хотя и не принесшим никаких результатов, т.к. годом ранее в Киеве произошёл переворот, на некоторое время заморозивший христианскую политику Киевских князей. А именно, используя предательство воеводы Блуда, Владимир, убив Ярополка, сумел воцариться в Киеве.

Сразу после переворота Владимир объявил себя ревностным язычником, что обеспечило ему поддержку языческой части киевлян, вероятно, недовольной прохристианской политикой Ярополка. Временное торжество язычества на Руси вряд ли было лишь политической игрой Владимира на религиозных антипатиях с целью оказать давление на «Ольгинско-Ярополкову» христианскую верхушку. Дело в том, что во время бегства в Скандинавию Владимир успел не только возмужать возрастом и жениться на дочери варяжского конунга (князя), но и вовсе отвыкнуть (хотя и не забыть) от христианских начал, приобретенных в окружении своей бабки княгини Ольги, понабравшись у норманнов их морали и обычаев, взращённых культом войны и пиратской наживы.

В результате в Киеве, наряду с традиционными славянскими идолами, князь «варяг» стал вводить культ бога войны и громовержца Перуна. Этот балтийский Марс, как оказалось, требовал кроме обычного поклонения ещё и человеческих жертв. В

983 г. после удачно осуществлённого похода на ятвягов (литовское племя, жившее в районе совр. Гродно) Владимир решил принести благодарственные жертвы богам, на что старейшины и бояре постановили бросить жребий на отрока и на девицу, и на кого падёт жребий, того и принести в жертву. Жребий отрока пал на сына одного варяга, бывшего христианином. Сына он, конечно же, не отдал и заперся у себя дома. Тогда пришла толпа и растерзала их обоих — и осквернилась кровью земля руська, как передаёт древнейшая летопись (ПВЛ). Источники того времени не сохранили имён наших первых мучеников и места их погребения: и не свесть никто же, где положиша их, но позднейшие святцы называют их — Феодор и Иоанн варяги (память чтится 12 июля).

Впрочем, не стоит понимать под этим жертвоприношением особое языческое усердие кн. Владимира. В принципе, кумир Перуна стоял в Киеве и задолго до него, а человеческие жертвоприношения были делом вполне обычным у норманнов, да и для славян не слишком уж диковинным. К тому же, как видим, идея кровопролития принадлежала вовсе не Владимиру, а озлобленной на христиан за многолетнее правление христианских князей жреческой верхушке — старейшинам, а исполнительская миссия, как всегда возлагалась на толпу, традиционно отличающуюся животным фанатизмом. Как ни парадоксально, но именно Владимиру Русская земля оказалась впоследствии обязана своим христианским Крещением.

Начнём по порядку. Как уже упоминалось, в 979 г. кн. Ярополку было направлено ответное посольство от Папы, разумеется, с предложением Крещения Руси, но застало оно на престоле уже не Ярополка, а Владимира. Возможно, что именно тогда прозвучал ответ Владимира латинским миссионерам, запечатлённый летописью: идите назад, ибо отцы наши сего не принимали (ПВЛ). Этот риторический пассаж летописи, как не странно, но также имеет свой исторический резон. Как известно, в 962 г. потерпела неудачу отправленная на Русь миссия латинского епископа Адалберта вследствие отказа кн. Ольги принять духовное подданство Папы Римского. Слова отцы наши, брошенные Владимиром, в данном случае не противоречат тому, что речь идёт, скорее всего, о бабке кн. Владимира Ольге, ибо в древнерусском языке отцами назывались родители вообще (напр.: боготцы Иоаким и Анна).

В середине 980-х гг. внешняя угроза и внутренние мятежи поставили Византийскую империю в крайне затруднительное положение. Вдобавок ко всему в 987 г. вспыхнуло восстание полководца Варды Фоки, объявившего себя василевсом (царём). В конце 987 — на-

чале 988 г. братья-соправители Василий II и Константин VIII вынуждены были обратиться к Киевскому князю за военной поддержкой против мятежников. Владимир согласился отправить в Византию довольно многочисленное войско взамен на обещание императоров выдать за него замуж свою сестру — царевну Анну. Как политик, Владимир мыслил безукоризненно — породниться с Византийской династией означало бы практически уравнивать русских князей если не с римскими василевсами, то по крайней мере с великими европейскими монархами того времени и значительно укрепить мировой авторитет Киевской державы.

Уже летом 988 г. с помощью русских легионов царям удалось нанести поражение бунтовщикам, а в апреле следующего 989 г. окончательно подавить мятеж. Однако, избавившись от смертельной опасности, цари вовсе не спешили выполнять своего обещания — царевна Анна в далёкую «варварскую» Русь словно и не собиралась. Прождав всё лето 989 г., Владимир понял, что просто обманут... Но в таком случае, речь шла уже не об укреплении мирового авторитета Киевской державы, а об оправдании за нанесенную ей в прямом смысле дипломатическую пощёчину. Вот тут-то Владимир и вынужден был двинуть войска на византийские колонии и силой вынудить Константинополь к выполнению своего обязательства (вспомним, как 12 годами ранее Владимир, будучи унижен отказом

полоцкого князя Рогволда выдать за него дочь Рогнеду, отправился походом на Полоцк, следствием чего было пленение города и убийство Рогволда с сыновьями).

Итак, осенью 989 г. Владимир, как сообщает летопись, собрав вой многы из варяг, словен, чюди, кривичей и черных болгар, осадил важнейшую торговую факторию Византии в Северном Причерноморье г. Херсонес. Пользуясь зимними черноморскими штормами и, соответственно, невозможностью получить подкрепление морем из Византии, Владимир взял город в полную осаду и к маю 990 г. вынудил его полностью капитулировать. Более того, Владимир пообещал привести войско к стенам самого Константинополя... В конце концов, византийские суверены не выдержали предпринятого против них силового давления, и вскоре Владимир венчался в том же Херсонесе на царевне Анне, а в качестве «вена» (выкупа) за невесту возвратил императорам город, заложив в нём прекрасный храм (и поныне его развалины свидетельствуют о красоте и великолепии святыни). Однако корсунское духовенство он всё же взял с собою в Киев в помощь для дальнейшей христианизации.

Кроме того, в свите цесаревны Анны прибыли по-

ставленные в Константинополе на Русские кафедры архиереи. Так началась Киевская митрополия, что в формальном смысле и было началом Русской Церкви. Проф. Е.Е. Голубинский в своём роде прав, предлагая считать именно 990 год датой Крещения Руси. Однако в действительности кн. Владимир предпринял «крещение» как утверждение христианства государственной верой на Руси, по сути, сразу после своего личного обращения, то есть уже в 988 г.: Крестится Владимир сам, и чада своя, и весь дом свой святым крещением просвети («Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха), крестились и придворные, дружина, горожане (разумеется, те, кто ещё оставался в язычестве).

До Корсунского похода катехизация носила лишь частный характер (как и до Владимира), вероятно, не особо выходила и за стены стольного Киева. Корсун-

ская победа принесла официальное утверждение Русской Церкви, и лишь тогда 31 июля 990 года киевляне услышали почти ультимативный призыв князя: аще не обрящется кто завтра на реце, богат ли, убог ли, или нищ... противен мне да будет (ПВЛ).

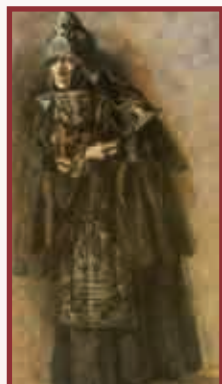
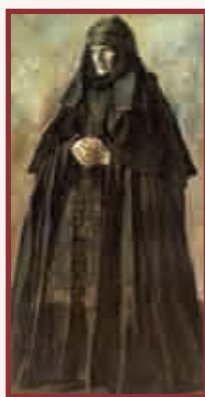
Так, в Крещении Владимировом зародилась Русская Церковь, и не столько храмы или новый политический менталитет, сколько великое начало всего того, что ныне связывается с древнерусской культурой и духовностью, и не только древней — по выражению историка Л.Н. Гумилёва: «победа православия подарила Руси её тысячелетнюю историю».

*Дмитрий Рыбаков
Православие.Ru*

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

В Академии художеств была выставка Кори-на. Были выставлены подлинники его полотен «Русь уходящая». Патриарх сказал: «Сейчас много народу, так, что вы сходите, посмотрите, а потом, когда закроется, я тоже схожу. А пока вы мне всё расскажете». Он, действительно, очень хотел посмотреть. И мы пошли. Лёня Остапов был ещё в мирском, я - в рясе, а у Пимена был уже крест. Ходим мы, смотрим, а за нами - целый хвост народу: «Вон, «Уходящая Русь» ходит!» - слышится за спиной. Потом мы спускаемся по лестнице: Ну, «Уходящая Русь» уходит!». Мы надеваем рясы в гардеробе, а там, с балкона смотрят: «Уходящая Русь» совсем ушла!» Тут Пимен поднимает голову и громко говорит: **«А мы ещё вернёмся!»**. В ответ раздался несмолкаемый хохот и - аплодисменты.

*Рассказ митрополита Питирима,
составители: Т.Л.Александрова,
Т.В.Суздальцева*

Вопросы и ответы СВЯЩЕННИКА

В семье протоиерея Александра и матушки Марии Ильяшенко 12 детей и уже 15 внуков. Отец Александр - настоятель храма Всемилоственного Спаса в Москве, кроме того, он работает в секторе Министерства Внутренних Дел Отдела Московского Патриархата по взаимодействию с вооружёнными и правоохранительными органами, читает лекции в академии МВД, а также руководит работой портала «Православие и мир» - одного из крупнейших православных сайтов.

Отец Александр рассказывает о проблеме взаимоотношений отцов и детей.

- Отец Александр, расскажите пожалуйста, что такое почтение к старшим и как оно воспитывалось в прежние времена?

В старое доброе время уважение к старшим воспитывалось очень последовательно, решительно и грамотно. Одна пожилая женщина рассказывала о том, как её воспитывал отец:

- Папочка, а можно, я в церковь пойду? - спрашивала она, тогда шестилетняя дочка.

- Нет, доченька, нельзя.

- А почему, папочка?

- А ты сегодня по улице шла?

- Шла, папочка.

- Старушку видела?

- Видела.

- А ты ей в пояс поклонилась?

- Нет, папочка.

- А почему? Она перед тобой уже свою жизнь прожила, она тебе дорожку проложила, а ты ей не поклонилась. Нет, доченька, в церковь ты сегодня не заслужила пойти.

Обратите внимание, как мягко, доброжелательно и, вместе с тем, строго ей отвечает отец, и с каким почтением, не помышляя «качать права», говорит с ним его доченька. Вот так вот строго и одухотворённо воспитывали детей в крестьянских семьях, какое мы здесь видим удивительно уважительное и бережное отношение к ребёнку!

Из других воспоминаний мы знаем, что отец мог и выпороть сына за то, что тот не поклонился старику. Авторитет старших поддерживался, но и сами старшие были такими, что их нельзя было не слушать и не уважать: это были люди с огромным жизненным, духовным и практическим опытом.

- Возможно ли сейчас так воспитывать детей? С трудом представляется, что современные дети смогут так же осмысленно обсудить с родителями причину того, что им не разрешают пойти в храм...

- К сожалению, такое воспитание - прошлый век. Чтобы правильно воспитывать детей, нужно начать с воспитания взрослых. Сегодня часто можно увидеть, как ребёночек замахивается на мамочку. Это недопустимо, это нужно решительно и быстро пресечь! Не прекратив это, мать копит своему ребёнку гнев на день гнева. В Священном Писании сказано не только «Чти отца и мать и благо тебе будет», но и «Злословящий отца и мать смертию да умрёт». Если мамочка не пресекает такое поведение сразу, потому что у неё «такой ребёночек», значит, она сама подрывает свой авторитет в глазах ребёнка, и не только свой, но и авторитет всех старших. Ребёнок не виноват, он пока не понимает, что можно, а что нет, но родители должны сразу же твёрдо определить, что можно и что нельзя. Ребёнка за такое нужно, образно говоря, в бараний рог скрутить, сделать так, чтобы он больше никогда такого не повторил.

ведения ты не допустишь. Твори, выдумывай, пробуй, добивайся, чтобы ребёнок это уяснил.

Воспитание основано на постоянном повторении. Ребёнок может не воспринять, может не запомнить, забыть, может устать - ничего страшного - нужно снова и

снова повторить, стараясь это повторение сделать максимально эффективным. Может быть, талантливому педагогу и одного раза хватит, но нам надо быть готовыми, что повторять придётся неоднократно.

Если хамский и грубый тон допустим в семье, то значит, такая грубость - норма и для общества, поэтому и вырастает поколение людей,

которое не имеет представления о том, как правильно и как не правильно себя вести. В какой-то мере это их беда, их так воспитали. Это хамство пронизывает всю нашу жизнь. Всем нам известна фраза «Я начальник, ты дурак». Её произносят иногда серьёзно, иногда в шутку. Эти слова демонстрируют пренебрежение элементарными правилами человеческого общения. Ведь в нормальном обществе, начальник должен тебя внимательно выслушать и, если ты прав, согласиться. Например, в русской армивойенный совет начинали с младших офицеров, чтобы каждый, невзирая на мнение старших, мог свободно выразить своё мнение, а начальник говорил последним, выслушав всех, и его решение все воспринимали как окончательное. Великий русский юрист и правовед, Анатолий Фёдорович Кони, писал, что глупый от умного отличается не интеллектом, а несокрушимой уверенностью в своей правоте. Если некто, занимая какой-то пост, искренне считает, что он всегда прав, то он не начальник, а просто самодур.

- «Скрутить в бараний рог» значит, что ребёнка надо отшлёпать за такое поведение?

- Нет, совсем не обязательно. Вспомните знаменитое произведение Астрид Линдгрэн «Малыш и Карлосон»: когда Карлосон прогонял грабителей, он приговаривал: «Я привел дикое, но симпатичное! Сейчас я вас настигну, и нам всем будет весело!». Так и воспитатель должен себя вести, он должен быть добрым, весёлым, но при этом он может быть и очень строгим. Ты ребёночка любишь всегда, даже когда сердисься, но такого по-

Азбука православия

Дарохранительница

- священный сосуд, в котором хранятся преждеосвященные дары. Дарохранительница обычно устанавливается на престоле; в некоторых храмах на Ближнем Востоке для дарохранительницы предусматривается особое место в алтаре. Современные напрестольные дарохранительницы с ковчезцем для даров делаются по форме изображающими храм. Небольшие переносные дарохранительницы называют дароносицами.

Дары святые

- хлеб и вино, освященные и преосуществленные в плоть и кровь Христовы во время совершения евхаристии. Преждеосвященными, или запасными, дарами называются освященные дары, оставленные для совершения литургии Преждеосвященных Даров, а также для совершения причастия вне храма - больных, умирающих и т.д. Для хранения преждеосвященных даров освященный и раздробленный агнец омокается в освященном вине и затем высушенным помещается в дарохранительницу. Приготовление запасных даров совершается в Великий Четверток.

Двенадцатые праздники

- двенадцать важнейших после Пасхи праздников. Есть неподвижные и подвижные. Неподвижными являются (в скобках указывается новый стиль): Рождество Христово 25 декабря (7 января), Крещение Господне, или Богоявление 6 (19) января, Сретение Господне 2 (15) февраля, Преображение Господне 6 (19) августа, Благовещение Пресвятой Богородицы 25 марта (7 апреля), Успение Пресвятой Богородицы 15 (28) августа, Воздвижение Креста Господня 14 (27) сентября, Рождество Пресвятой Богородицы 8 (21) сентября, Введение во храм Пресвятой Богородицы 21 ноября (4 декабря). Подвижными являются Вход Господень в Иерусалим - шестое (последнее) воскресение Великого поста, Вознесение Господне - сороковой день от Пасхи, Пятидесятница, или День Святой Троицы (Сошествие Святого Духа на апостолов) - пятидесятый день от Пасхи.

ПРАВОСЛАВИЕ.RU

Православный календарь

Август:

14 августа - 27 августа Успенский пост
19 августа Преображение Господне
28 августа Успение Пресвятой Богородицы

Сентябрь:

21 сентября Рождество Пресвятой Богородицы
27 сентября Воздвиженья Креста Господня

Октябрь:

14 октября Покров Пресвятой Богородицы

Orthodox calendar

August:

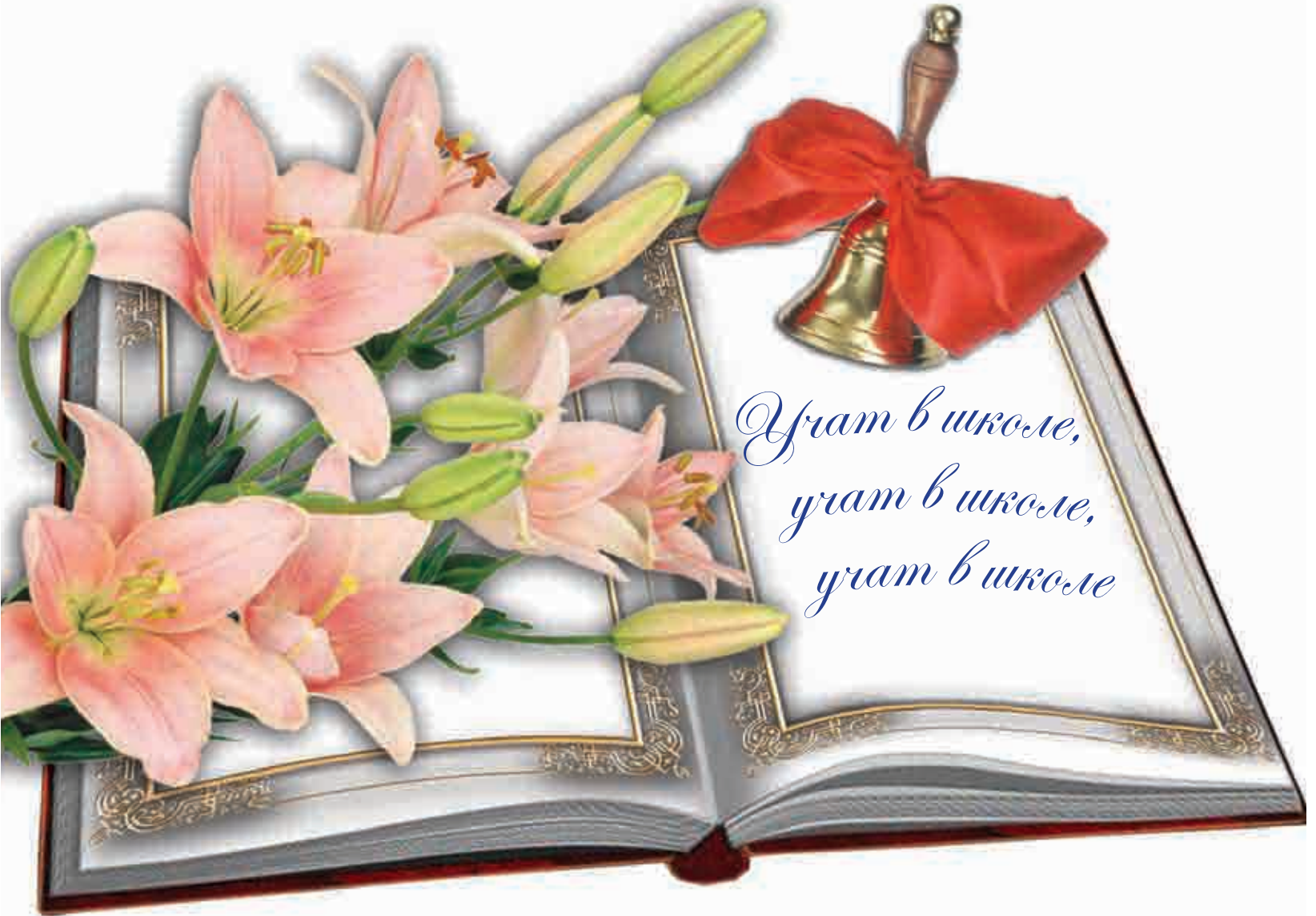
14 august - 27 august Dormition Fast
19 august Transfiguration of our Lord
28 august Dormition of the Mother of God

September:

21 september Nativity of the Mother of God
27 september Elevation of the Holy Cross

October:

14 october Protection of the Holy Virgin

*Буквы разные писать
Тонким пёрышком в тетрадь
Учат в школе, учат в школе, учат в школе!*

*Книжки добрые любить
И воспитанными быть
Учат в школе, учат в школе, учат в школе!*

*Крепко-накрепко дружить,
С детства дружбой дорожить
Учат в школе, учат в школе, учат в школе!*

Для каждого ребёнка и родителя школа - это богатая событиями и множеством знаний, опыта и навыков часть жизни. Ребёнок идёт в школу в первый класс - это начало новой жизни. Дети, живущие вдали от России, имеющие родителей, говорящих на русском языке, а круг общения в основном англоговорящий, посещающие общеобразовательную школу на английском, быстро теряют русский язык. А ведь язык - это богатство. Чем большим количеством языков владеет человек, тем

богаче и интересней его жизнь, шире круг интересов и общения.

Во все волны эмиграции, люди всех национальностей стараются сохранить свой язык, культуру, традиции, веру. Вторая волна русских эмигрантов, приехавших в Канаду после Второй Мировой войны, начала свою жизнь с нуля. Построили храм, основали Русское Общество, и, как само-собой разумеющееся, создали субботнюю школу при Храме Святой Троицы в Торонто. Школа росла, воспитывала детей, многие из которых затем сами приходили в школу преподавать, помогать, работать воспитателями в отделении для самых маленьких. Хочется привести выдержки из статьи о русской школе, напечатанной в журнале «Русское слово в Канаде», изданном в Торонто в 1978 году:

«9 сентября была открыта наша 9-летняя приходская школа. Интересно отметить, что в прошлом году школу окончили уже взрослые ученики, а в этом году уже будет работать самая младшая группа. Содействует этой перемене наш большой детский сад, в котором около 20 детей, все дети, за исключением двух или трёх, прекрас-

но говорят по-русски.

Как приятно смотреть, когда эти малыши, взявшись за ручки, парами, каждую субботу идут в церковь. В прошлую субботу они отправились домой уже с домашним заданием - выучить молитву «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Так положено начало их воцерковлению, далее они ознакомятся с правилами русского языка, литературой и историей России. Вся эта детвора учится под умелым руководством нашей опытной учительницы Л.И.Макеевой.

Вся наша вновь поступающая молодёжь, по окончании школы, возвращается туда для помощи и преподавания. В этом году с Лидией Ивановной работают две выпускницы школы: Лиза Антоненко окончила школу несколько лет тому назад, Вера Иванова - выпускница прошлого года.

Кроме вышеописанного детского сада у нас учатся ученики ещё 9 классов. Так с Божьей помощью мы начали 1978-1979 учебный год, закончить который мы будем стремиться паломничеством в Свято-Троицкий монастырь в мае.»

З а м е с т и -
тель директора церковно-приходской школы при Храме Святой Троицы М.Н. Благовещенская.

Годы шли, школа росла и на сегодняшний день русская субботняя школа насчитывает до 200 учеников. Каждый год проходит выпуск 10-го

класса. За время учёбы в русской школе, дети научились не только писать по-русски прописными буквами, они имели возможность окунуться в мир прекрасной русской литературы, ознакомиться с историей России и приобщиться к духовному богатству православной веры.

Многие поколения выпускников русской школы не теряют связь друг с другом, с Россией и церковью.

24 мая 2008 года был очередной выпуск 10-го класса, и Владимир Львович Ковшов, преподаватель литературы, сказал напутственные слова выпускникам:

«Друзья мои, разрешите вас поздравить с окончанием нашей школы! Завершился один из этапов вашей жизни, впереди вас ждут новые вехи, трудности и испытания. Но в земной нашей жизни всё имеет своё начало и своё окончание. Дальше - университет или колледж, создание семьи, зрелость, работа, воспитание детей. Многие будет меняться, но

есть две вещи, которые должны оставаться священными и неизменными. Две святыни, которым нельзя изменять ни при каких обстоятельствах - это наша православная вера, хранительницей которой является Русская Православная Церковь Заграницей и в России и наша Родина. Постарайтесь пронести эти две святыни не расплескав, через всю свою жизнь. Помните, что за вашей спиной тысячалетняя героическая русская история, великая

русская культура, а главное - наша святая православная вера. Пусть вас вдохновят провидческие слова великого русского поэта А.С.Пушкина:

*«Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как безымянная пустыня
И как алтарь без божества.»*

Одна из выпускниц школы много лет тому назад написала стихи:

*«В последний раз мы в нашей милой школе,
Такой родной и памятной для нас.
И столько слёз и столько жгучей боли
В простых словах: «Мы здесь в последний раз!».*

*Мы родились и все растём чужие,
Без Родины, без светлых русских снов,
Не знаем радостей неведомой России,
Не знаем запаха своих родных лесов...
Но здесь, вот в этой милой школе,
Вошла любовь в раскрытые сердца.
Нас научили в нашей горькой доле
Россию ждать и верить до конца,*

*Что всё пройдёт, что мощь России вечна,
Что в мире нет прекраснее страны,
Что русский дух нам дорог бесконечно,
Что мы для Родины растём и рождены...
Прощай же школа - уголок России,
И наша церковка и милый старый класс.
Прощайте все, нам близкие, родные,
Кто нас учил и так взлелеял нас...
В своей душе, во всех её изгибах,
Мы унесём с собой в огромный свет
Одно святое, детское «Спасибо!»,
Да сохранит вас Бог на много, много лет!»*

Традиции русского чаепития

Представляю себя сидящей в традиционном чайном домике, отдельном павильоне в Японии, с его обстановкой интимности и уединения, или пьющей чай с крестьянами, работающими на плантациях приморской провинции Китая Фуцзянь, где выращивается наиболее известный сорт красного чая «улун». Я наслаждаюсь душистым напитком, обретая душевную радость и покой, усталость покидает меня... и завожу разговор о традициях русского чаепития. Даже у тактичных японцев это словосочетание вызовет если не ироничную усмешку, то, по крайней мере, недоумение: «Традиции русского чаепития?» Кто знает, может, и по сей день такие бесхитростные напитки, как целебный земляничный или брусничный чай, чай из душицы, шиповника, ароматной мяты, из листьев смородины, зверобоя или чабреца,

из цветов липы, пили бы мы дома, если бы не вторгся в нашу жизнь конкурент лесных чаев — напиток из далеких восточных стран — китайский чай.

В 1638 году русский посол Стариков привез от монгольского хана в подарок государю Московскому Михаилу Федоровичу четыре пуда чая. Поначалу терпкий и горький напиток не понравился царю и боярам. Однако было замечено, что он «отвращает от сна» во время долгих церковных служб и утомительного сидения в Думе боярской. Когда весь запас дареного чая был выпит и вкус его уже стали забывать при московском дворе, вновь свою роль сыграли дипломаты: посол наш — грек Сапфарий — привез чай из Китая. Теперь уже чай встретили в Москве, как старого знакомого, и в 1679 году был заключен с Китаем договор о поставках в Россию сушеной китайской травы. Потянулись по Кяхтинскому тракту караваны с чаем от Великой Китайской стены к стенам Московского Кремля.

Долгое время чай отправлялся в Россию древними караванными трактами через монгольские степи. В известном смысле можно выразить сожаление, что в наши времена так не перевозят. При транспортировке чая в упаковке, специально приспособленной для погрузки на верблюдов, при следовании монгольскими степями с их воздухом (полное отсутствие влажности, особые

эфирные элементы, идущие от степной растительности, и т.д.) ни вкус, ни «букет» чая не портился, как это нередко бывает в нынешних условиях перевозки.

Русское слово «чай» происходит от китайского слова «ча» или «чае» — в северном, пекинском произношении, тогда как английское слово «tea» (чай), как и, соответственно, французское, итальянское, немецкое, датское и др., происходит от китайского слова «тэ» (чай) — в южном, фуцзяньском произношении.

В России новый напиток приживался трудно: русские люди относились к нему настороженно, как, впрочем, и ко всему чужеземному. Да еще и пришел он с востока, откуда много веков приходили на Русь беды: то половцы, то татаро-монголы. Кроме того, очень уж дорог был китайский чай, а свои лесные чаи всегда под рукой. И только в начале XVIII века вошел чай в русский быт и стал нашим национальным напитком. Само чаепитие стало не просто утолением жажды, а своеобразным проявлением общественной жизни. За чаем решали семейные дела, заключали торговые сделки и брачные союзы, без чашки чая не обсуждали, кажется, ни один серьезный вопрос. Гиляровский оставил прекрасное описание старых московских трактиров. Где-нибудь в «Коломне» или «Лондоне» за чаем грелись извозчики, а крупные коммерсанты заключали сделки на десятки и сотни тысяч рублей. Любимые трактиры были у артистов, писателей, художников. Встречи за чайным столом у Л.Н.Толстого в Ясной Поляне и Хамовниках вошли в историю русской культуры. Вот уже три столетия на Руси не обходится без чая ни одна встреча друзей, ни одно семейное торжество.

Пропустив через себя большой поток информации о чаепитии в Японии, я поняла разницу между японским и русским чаепитием. Японское чаепитие — это ритуал, церемониал, обряд, особая духовная процедура: чай заваривается специальный, в порошок, конечно, зеленый. Приготовление чая складывается из следующих процедур. Первая — кипячение воды в особом котелке (чайнике) на углях из сакуры. Вторая — заваривание чая: используется особый чайник, свои правила движения рук. И третья — взбалтывание чая в чашке, также специальной, предназначенной только для этой цели, так что чай пьется в виде довольно густой пенистой жидкости.

А что такое русское чаепитие? Это, в первую очередь, духовная процедура. Ведь по японским или китайским меркам чай мы завариваем неверно, не говоря уже о правилах движения рук или взбалтывании напитка в чашке. Хотя спор о том, чей способ заварки лучше, кажется мне совершенно беспредметным — у каждого народа свои привычки, свои вкусы и свои обычаи. Но в эстетическое времяпрепровождение за приготовлени-

ем зеленого чая в утонченной японской атмосфере внесена такая, присущая русским лихая бесшабашность. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.Даля глагол «чаевать» означает «проклажаться за чаем, пить его въ раздольи». И конечно, только русский мог в своей загадке так колоритно описать чайник:

***В брюхе — баня,
В носу — решето,
На голове — пупок,
Всего одна рука,
И та — на спине.***

В России — свой ритуал заваривания чая. Так, кипяток рекомендуется готовить в самоварах. Во всем мире самовар признан таким же русским сувениром, как матрешки, балалайка и деревянные ложки с хохломской росписью. Когда он появился на Руси, сказать трудно. Однако было это еще до появления чая, так как самовары изначально служили для приготовления горячего напитка — сбитня, появившегося у нас задолго до чая. Во второй половине XVIII века производство самоваров было налажено в Москве, Петербурге, Ярославле и Архангельске, а «самоварной столицей» стала Тула. И вскоре они стали неотъемлемой частью русского быта. Формы самоваров чрезвычайно разнообразны. Мно-

гие из них являются подлинными шедеврами русского декоративно-прикладного искусства. Кроме экономичности и красоты, в самоварах ценилась их «музыкальность». Перед закипанием этот нехитрый прибор начинал петь, и песня его, подобно стрекоту сверчка за печкой, придавала особый уют и интимность чайному столу.

А как колоритны специальные грелки, которыми накрывают керамический заварочный чайник! Сшитые из плотного материала, они также являются настоящими образцами народного декоративного искусства. Им придают форму петухов, сказочных птиц или кукол-матрешек. Помню, в школе, на уроках труда, всех девочек учили шить таких «самоварных баб». Сколько времени и сил занимало у нас пришивание многочисленных оборок на юбки этих «чайных дам». Но как гордились наши мамы, накрывая ими заварочные чайники, когда к нам приходили гости; стол становился ярким и нарядным, мы забывали про свои исколотые пальчики, простив учительницу по труду за требовательность, и начинали «проклажаться за чаем и пить его въ раздольи».

Не меньшей гордостью хозяйки, чем самовар, был и чайный сервиз. Материал, из которого делают чайные сервизы (фарфор, фаянс) — прекрасная основа для художественной росписи. Посуда русских фарфоровых

заводов украшает витрины многих музеев мира. Слава Поповского и Кузнецовского заводов ничуть не меньше известности изделий Фаберже. Жаль, что сейчас на прилавках специализированных магазинов, Домов фарфора ассортимент чайных сервизов русских заводов невелик, да и не самые лучшие образцы русского прикладного искусства там представлены. Вот и пришлось мне после неудачного похода по магазинам, чтобы сфотографировать продукцию русских фарфоровых заводов, вытащить из бабушкиного буфета все, что она с любовью хранила. И к моему неподдельному восторгу и удивлению (я-то думала, что там стоят немецкие сервизы) все это великолепие оказалось из Вербилков, Дулево, ЛФЗ и т.д. Причем сделаны эти изящные чашечки, блюдца, серебряные ложечки и подстаканники, сахарницы, хрустальные графины и вазочки для варенья в начале 50-х годов нашего столетия. В трудное послевоенное время художники фарфоровых и стекольных заводов сумели сохранить традиции русского прикладного искусства. Смею надеяться, что через несколько лет о русском фарфоре снова заговорят. Ведь традиционное русское чаепитие хочется устраивать с помощью традиционного русского чайного сервиза — украшения стола и интерьера жилища.

Рассказывая об очаровании русского чаепития, я часто употребляла прошедшее время. Надеюсь, что это было моей ошибкой. Ведь в последние годы все больше и больше проявляется интерес к русской посуде, национальному стилю в оформлении стола, столовой и чайной посуды. Все чаще можно встретить в ресторанах и кафе вышитые скатерти, самовары. Все больше открывается ресторанов, интерьеры которых оформлены под старину, вновь приобретают популярность чайные. Это не ностальгия по забытому прошлому, а настоящая необходимость и потребность. В этом выражается наша любовь к прошлому, сохранению и изучению национальной культуры.

Чай по старорусски горячий

Хорошо вымытый заварной фарфоровый чайник перед использованием сполоснуть кипятком и слегка подержать закрытым крышкой. Всыпать заварку в нужном количестве из расчета 0,5-0,75г. на порцию и залить кипятком примерно на 1/3 чайника. Прикрыть на 5 минут крышкой и салфеткой так, чтобы носик чайника остался открытым, иначе чай запарится и изменит свой вкус. Затем долить в чайник доверху кипятком и перемешать. Разлить чай в порционные стаканы из расчета 50мл заварки на порцию и долить кипятком.

Мед, варенье и сахар (лучше кусковой) подать к чаю отдельно. Так же отдельно можно подать к чаю горячие сливки или молоко с пенками, предварительно около часа томленные в керамическом горшочке в духовке.

Старинный лечебный чай

Остатки черного хлеба нарезать ломтиками и тщательно подсушить в духовке. Заварить свежий чай и горячим разлить его в порционные стаканы. В каждый стакан влить 1-2 ч.л. красного вина и положить по 1 сухарику. Такой горячий чай рекомендуется для больных, слабых желудком.

Старорусский ритуал чаепития

Повсеместное распространение чая уже в начале XIX века привело к возникновению на Руси своеобразного и колоритного ритуала чаепития.

Так как чай в те времена был недешев, очень важно было, кроме умения заварить вкусный чай, еще и не меньшее умение «не спить чай», т.е. разлить его так, чтобы каждый из присутствующих на чаепитии получил свою порцию чая одинаковой крепости, и плюс к этому хозяйка не допустила бы большой расход сухой заварки.

Самовар ставился непосредственно на чайный стол, либо на небольшой столик, приставленный в торце стола. Разливала чай только сама хозяйка, и только в случае крайней необходимости это действие доверялось старшей из дочерей, что соответствовало неписаному правилу – чай должен разливать всегда один и тот же человек, хорошо с этим делом знакомый.

Пили чай из фарфоровой посуды, обязательно не доливая 1-2 см от края чашки, что считалось хорошим тоном. В мещанских и купеческих семьях позволено было подавать чашки с горячим чаем на глубоких блюдах, из которых его и пили вприкуску с сахаром или вареньем, держа блюдо в ладони с особым, показным шиком.

Полные стаканы с чаем «до самого верха» подавались в трактирах, где пившее его простонародье считало вправе потребовать на свою копейку, чтобы стаканы наполнялись «всклянь», абсолютно полными.

Современный семейный чай с пирогами

Такое чаепитие, заменяющее семейный ужин, в наше время принято организовывать субботним вечером, когда вся семья в сборе, вкусно пахнет пирогами и, наконец-то, можно расслабиться и пообщаться в теплой семейной обстановке.

При сервировке стола для простого вечернего семейного чаепития его накрывают цветной скатертью (можно красивой бумажной). Ставят корзиночки с домашними либо покупными пирожными или печеньем, сахарницу со щипчиками для сахара, розетки с вареньем, тарелочки с нарезанным тонкими ломтиками лимоном, мелкими кондитерскими изделиями и сладостями.

Против каждого места на столе ставят чайную чашку с блюдцем, на которое кладут чайную ложку, а так же ставят порционную тарелку для пирога.

Посередине стола на круглое или овальное блюдо укладывают свежеспеченный пирог. Начинки пирога могут быть как сладкими, так и закусочными (мясные, рыбные, грибные натуральные или смешанные с овощами). Приготовить пирог можно как из дрожжевого, так и из пресного или кондитерского теста.

Нарезают пирог чаще всего прямо за столом – в этом случае хозяйка нарезает пирог и сразу же раскладывает его на порционные тарелки. Если пирог подается на стол предварительно уже нарезанным на порционные куски, их может переложить к себе на тарелку каждый участник чаепития с помощью специальной лопаточки. Вместо пирога к чайному столу можно приготовить закусочные или десертные рулеты, расстегаи или другую более мелкую домашнюю выпечку.

Самовар или чайник с кипятком, а так же чайник с заваркой поставить ближе к хозяйке, чтобы ей было удобно разливать чай в чашки. Чайные чашки для чая к пирогу могут быть несколько большего размера, чем просто к чаю со сладостями.

www.sochi.org.ru/Napitki

Реквием

1935-1940

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, -
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

1961

Вместо предисловия

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного всем нам оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шёпотом):

- А это вы можете описать?

И я сказала:

- Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было её лицом.

1 апреля 1957 г.

Ленинград

Посвящение

Перед этим горем гнутся горы,
Не течёт великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат -
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжёлые солдат,
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда всё поёт вдаль.
Приговор... И сразу слёзы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идёт... Шатается... Одна.
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской выюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный мой привет.

март 1940 г.

Вступление

Это было, когда улыбался
Только мёртвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осуждённых полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звёзды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами чёрных марушь.

I

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В тёмной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлёвскими башнями вить.

ноябрь 1935 г., Москва

II

Тихо лётся тихий Дон,
Жёлтый месяц входит в дом.

Входит в шапке набекрень.
Видит жёлтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна.

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

1938

III

Нет, это не я, это кто-то другой страдает,
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть чёрные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...
Ночь.

1939

IV

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской весёлой грешнице,
Что случится с жизнью твоей -
Как трёхсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезою горячею
Новогодний лёд прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука - а сколько там
Неповинных жизней кончается...

1938

V

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Всё перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кадилный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

1939

VI

Лёгкие летят недели.
Что случилось, не пойму,
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,

Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высокоом
И о смерти говорят.

весна 1939 г.

VII

Приговор

И упала каменное слово
На мою ещё живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

22 июня 1939 г., Фонтанный дом

VIII

К смерти

Ты все равно придёшь - зачем же не теперь?
Я жду тебя - мне очень трудно.
Я потушила свет и открыла дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом.
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, -
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне всё равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда Полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застилает.

19 августа 1939 г.

Фонтанный дом

IX

Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином,
И манит в чёрную долину.

И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,

Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.

И не позволит ничего
Оно мне унести с собою
(Как ни упрощай его
И как ни докучай мольбою):

Ни сына страшные глаза -
Окаменелое страданье,
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,

Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдалённый лёгкий звук -
Слова последних утешений.

4 мая 1940 г.
Фонтанный дом

X Распятие

«Не рыдай Мене, Мати,
во гробе зрящи»

1

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса восславились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А Матери: «О, не рыдай Мене...»

1938

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

1940

Фонтанный дом

Эпизод

1

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жёсткие страницы
Страдание выводит на щеках,

Как локоны из пепельных и чёрных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною, ослепшею стеною.

2

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».

Хотелось бы всех поимённо назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,

Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условием - не ставить его

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,

Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,

А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Затем, что в смерти блаженной боюсь
Забывать громохание чёрных марушь,

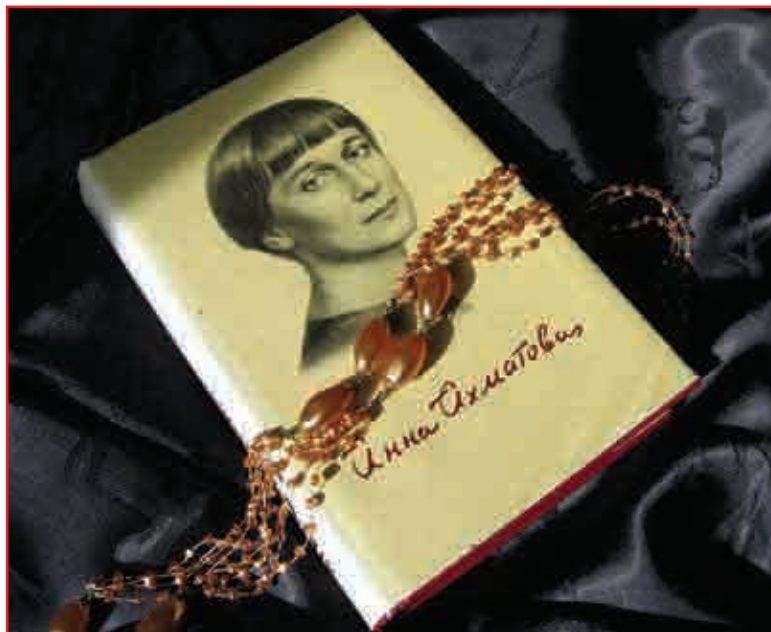
Забывать, как постылая хлопала дверь,
И выла старуха, как раненый зверь.

И пусть с неподвижных и бронзовых век,
Как слёзы, струится подтаявший снег,

И голубь тюремный пусть гулит вдаль,
И тихо идут по Неве корабли.

10 марта 1940 г.
Фонтанный дом

К 120-летию Анны Ахматовой

Царственное слово

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век
Восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

А.Пушкин

Проклятье Родины моей – тюрьма.

М.Петровых

Это не Вы говорите – это Россия говорит.

А.Салженицин

Мы представляем читателям поэму А.Ахматовой “Реквием”, написанную в годы сталинских репрессий и являющуюся одной из вершин русской поэзии 20 века.

Эвфемизм “37-ой год”, которым принято обозначать то, что случилось со страной в 20-ом веке, представляется мне идиллическим. Создается впечатление, что одним годом все и ограничилось. На самом деле то, что впоследствии называлось “сталинские репрессии”, “ежовщина”, “бериевщина”, “отдельные нарушения социалистической законности”, “террор” – началось в 1917 году и, то затухая, то разгораясь, длилось до... конца 50-х по крайней мере.

Так или иначе террор коснулся каждой семьи на подсоветском пространстве. Даже когда люди отказывались это признавать или оправдывали случившееся. Ответ Ахматовой таким оправдывателям был весьма резким:

Им бы этот же вылить напиток
В их невинно клеветущий рот,
Этим милым любителям пыток,
Знатокам в производстве сирот.

Люди утешались поговорочкой “Лес рубят – щепки летят”. Щепки, щепки... Больше 20 миллионов щепок случилось при вырубке этого великого леса. Смее утверждать, что на 20 миллионов замученных пришлось миллионы доносчиков, следователей, палачей, охранников, летописцев, промывателей мозгов, которые, в свой черед, становились жертвами режима. В кровавой чехарде трудно было определить правых и виноватых. Создавалась новая религия, новое сознание – поэтому убить память, подавить душу было не менее важно, чем

выявить контрреволюционную организацию, “замышляющую убийство видных членов партии и правительства”. Надо сказать, что Сталин в полной мере понимал силу и значение печатного слова, его влияние на умы. Было сделано все, чтобы использовать слово в обратном направлении, словом убить Слово, подменить истину псевдоправдой.

Чтобы нас охранять,
Надо многих нанять.
Это мало – чекистов,
Карателей,
Стукачей, палачей,
Надзирателей...
Чтобы нас охранять,
Надо многих нанять,
И прежде всего –
Писателей.

(Лагерная песня)

Палач требовал страха и молчания, полного забвения случившегося. Была задействована огромная государственная машина, созданы бесчисленные тома макулатурной литературы – бумага, как известно, все стерпит.

Я не ставлю своей задачей описывать ужас сталинской эпохи. Какие круги ада проходили они – мы не вправе этого забыть, но не вправе и домысливать. Миллионы ушли в землю, унеся свои свидетельства и свою боль. Имена ты им всем, Господи, веси. Моя цель – показать, что Слово – начало начал - трансформирует сознание, сохраняет память народа, изменяет жизнь.

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.

Всего прочнее на земле - печаль
И долговечней царственное Слово.

(А.Ахматова)

Писатель, поэт – носитель Слова, в некоторой степени избранник, свидетель и выразитель того, что не всем дано не только выразить, но подчас и осознать. Слово обладает критерием истины, и потеря его приводит к утрате понимания происходящего, к забвению самого важного, высшего проявления человеческого духа. “Без-языкая корчилась Русь”- горько говорит Ахматова.

Напечатанный в 1962 году рассказ Солженицина “Один день Ивана Денисыча”- небольшое свидетельство правды - перевернул сознание многих людей и, в некоторой степени, изменил ход советской истории.

Первая книжка Анны Ахматовой “Вечер” вышла в 1912 году. Время это называют Серебряным веком русской поэзии. Золотой век – это время Пушкина и его окружения. “Золотым” век этот называется по праву. Непревзойденный гений Пушкина – это солнце, вокруг которого вращались другие яркие светила, сами по себе первоклассные поэты: Жуковский, Вяземский, Баратынский, Батюшков, Дельвиг... Интересно проследить взаимодействие этих явлений: столь мощный талант Пушкина не мог не оказать влияния на современников;

но, если увидеть проблему с другой стороны, так же и гений Пушкина мог отделиться, возрасти именно на таком фоне. Нужна среда, атмосфера, то, что французы называют “bouillon de culture”- питательная среда культуры. Скажем больше – талантливый писатель требует, предполагает талантливого читателя, понимателя. На пустой, каменистой почве не вырастет прекрасный цветок. Прочтение поэзии – всегда труд и тайна. Во времена Пушкина поэт и читатель говорили на одном языке – поэзия была привычным способом выражения в образованном обществе 19 века. Свойство, к сожалению, почти утерянное в наше время.

Формула Марины Цветаевой: “Я - вода. Все дело во вместимости сосуда и размере жажды”, - представляет-

ся мне наиболее точной в процессе взаимодействия творца и реципиента.

Русский Серебряный век также дал целую плеяду прекрасных поэтов: Блок, Гумилев, Маяковский, Мандельштам, Цветаева, Пастернак, А.Белый, Ин.Анненский, Волошин, Есенин, Игорь Северянин, Брюсов, Ахматова... Поэты разного калибра и дарования, разных, иногда противоположных направлений, - почти все они объединены трагической судьбой. Русский 20 век беспощадно расправлялся со своею славою.

Так просто можно жизнь покинуть эту,
Бездумно и безбольно догореть.
Но не дано Российскому поэту
Такою светлой смертью умереть.

(А.Ахматова)

Слово еще было словом, традиция продолжалась, была жива – перед лавиной лживого слова, пошлого, тавтологического лексикона, высмеянного Зощенко.

Сосуд был разбит, вода вытекла, но жажда, тем не менее, осталась. Выросли поколения, воспитанные на трескучей рифмованной идеологии. Поэт потерял своего читателя, но и читатель был разлучен со Словом, разучился мыслить и понимать поэзию. Произошел разрыв между поэтом и читателем (“Порвалась связь вре-

мен”...), поэтому прочтение поэзии нуждается в некотором объяснении и толковании.

Анна Ахматова скончалась 5 марта 1966 года – последней из всех поэтов своего поколения. В одном из ее стихотворений, посвященном Борису Пастернаку, есть строки: “Могучая евангельская старость. И тот горчайший гефсиманский вздох”. Это оказалось предвидением ее собственной старости. Это ниточка, протянутая в наше время из Серебряного века и даже, скажем это с большой осторожностью, отголосок пушкинской поры. В некоторой степени Ахматова является преемницей пушкинской традиции в поэзии: классическая стройность и отточенность стиха, гармония, лаконизм, кажущаяся простота и легкость при максимальной смысловой нагрузке каждого слова, многослойность повествования. Замечательный поэт Осип Мандельштам говорил, что Ахматова прессует русскую классическую прозу: в небольшом по объему стихотворении заложено смысла и действия, которых хватило бы на толстый роман. Знаменитое раннее стихотворение Ахматовой “Сероглазый король” – готовый сюжет для Вальтера Скотта (одна из пушкинских героинь роняет: “Я и у Вальтера Скотта нахожу лишние страницы..”). Еще бы! Для пушкинского читателя у В.Скотта определенно есть масса лишних страниц! Русские дети, воспитанные на книгах Пушкина, на его “головокружительном лаконизме”, сами того не зная, сразу попадают на самый высокий уровень литературы.

Анна Ахматова родилась 23 июня 1889 года в Одессе, детство и юность ее прошли в Царском Селе, месте специальном для русской словесности:

Здесь столько лир развешено на ветках,
Да и моей как будто место есть...

И главная лира – того, кого увидела она здесь сквозь пространство и время:

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шорох шагов...

К Царскому возвращалась она памятью всю жизнь:

Мой городок игрушечный сожгли
И в прошлое мне больше нет лазейки...

Первую треть жизни Анны Ахматовой можно назвать вполне благополучной: известная поэтесса, мастер воистину “изящной” словесности, одна из основательниц акмеизма, “европейка нежная” (одним из необычных фактов биографии Ахматовой была ее дружба с малоизвестным тогда художником Амедео Модильяни, с которым она встречалась в Париже в 1910-1911 годах. Сохранились несколько набросков Ахматовой, сделанных рукою Модильяни).

А потом началось то, что дало ей право сказать:

Я была тогда с моим народом,
Где и мой народ, к несчастью, был.

Приведем лишь факты. В 1921 году был расстрелян

известный поэт Николай Гумилев, первый муж Ахматовой, отец ее сына Льва. Лев Гумилев, впоследствии известный историк, был арестован трижды и провел в заключении в общей сложности около 15 лет. Удивительный поэт Осип Мандельштам, близкий друг Ахматовой, погиб в лагере в 1938 году. В 1953 году в заключении умер другой муж Ахматовой, искусствовед Николай Пунин. Многие друзья и близкие исчезли: кто на каторгу, кто в эмиграцию. Годы одиночества, нищеты, разлученности с сыном, разлученности с читателем, годы боли и страха. После войны люди с надеждой возвращались в жизнь – после пережитого этот ужас не может повториться... Увы. По стране прокатилась волна новых и повторных арестов. Культуру тоже не оставили без внимания.

Главными “героями” постановления 1946 года “О журналах “Звезда” и “Ленинград” были Михаил Зощенко и Анна Ахматова – муза смеха и муза плача. Не знаю, изучается ли “историческое постановление” в школах сегодня (и в каком контексте), но в 1969 году каждый выпускник средней школы обязан был отрапортовать, что Ахматова – “полу-монахиня, полу-блудница, которая мечется между будуаром и моленной”. Тов.Жда-

нов любил образность и снабдил сухие строки парт. документа цветистыми эпитетами. Поэзию Ахматовой школьникам заучивать не предлагалось, а бранные слова в ее адрес – в обязательном порядке. После 46 года книги Зощенко и Ахматовой надолго исчезли из печати. Михаил Зощенко, один из лучших прозаиков 20 века, затравленный, лишенный возможности работать, заболел психически. И все же можно сказать, что им “повезло”: они не были арестованы и замучены в тюрьме, не сгнили в лагере.

Но случилось непредвиденное – цветок пробился сквозь каменистую почву. Несколько ахматовских строк, процитированных в документе для иллюстрации никчемности и безыдейности “взбесившейся барыньки”, оказали большее действие, чем все “постановить, указать, усилить”, “гащить и не пушать” сталинских упырей. Ахматова скорбела, что новое поколение ее совсем не знает – имя ее было бранным, стихи не переиздавались, читателю просто негде было встретиться с ее поэзией. По иронии судьбы молодое поколение узнало о поэзии Ахматовой именно из ждановского постановления. Мне хочется привести интересную историю в этой связи.

В начале 60-х годов К. Чуковский получил письмо от девятиклассника Миши из поселка Лодейное Поле Ленинградской области. Мальчик писал, что обруганные в постановлении строки Ахматовой произвели на него оглушающее впечатление. В наивном, полудетском письме он просит подсказать, где купить книги

Ахматовой и можно ли защищать любимую поэтессу на литературных вечерах в школе. “Ведь Вы за меня, Корней Иванович?” – спрашивал мальчик (видно, ему уже досталось на “литературных вечерах”!). Чуковский передал это письмо Ахматовой (оно хранилось в ее архиве). “Вот что значит великая страна”, – сказала она. “В каком-то Лодейном поле находятся такие мальчики, от которых все спрятали, но которые сами догадались обо всем.”

Сегодня Мих.Кралин – “мальчик из Лодейного поля” – известный литературовед, исследователь творчества Ахматовой.

В последнее десятилетие жизни Ахматова нашла единомышленников и почитателей именно среди нового поколения. Сбылось ее пророчество:

За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила – право. Только ваши дети
За меня вас будут проклинать.

Не вся вода вытекла из сосуда, жажда истины, жажда Слова возродились.

Много прекрасных строк посвящено Ахматовой молодыми поэтами, которые в полной мере понимали, с каким явлением им посчастливилось встретиться. Владимир Корнилов писал:

Ваши строки невеселые,
Как российская тщета,
Но отчаянно высокие,
Как молитва и мечта.
Отмывали душу дочиста,
Уводя от суеты
Благодетством одиночества
И величием беды.

Строка о “величии беды” прямо перекликается с ахматовским:

На позорном помосте беды
Как под тронным стою балдахином.

В последние годы Ахматову окружали молодые ленинградские поэты – “волшебный хор”, как она их называла: Бродский, Рейн, Найман, Бобышев. Судьба Иосифа Бродского тесно связана с Ахматовой: она поддерживала его в трудные годы тюрьмы и ссылки, она одной из первых поняла и оценила его незаурядный талант. О ней упомянул поэт в своей нобелевской речи при получении премии в 1987 году.

На столетие Ахматовой Бродский написал:
... Бог сохраняет все – особенно слова
Прощенья и любви, как собственный свой голос.
Великая душа – поклон через моря
За то, что их нашла – тебе и части тленной
Что спит в земле родной,
Тебе благодаря обретшей речи дар
В глухонемой вселенной.

Слова прощенья и любви – голос Бога, вложенный в уста Поэта. Поэт – проводник Слова, носитель божь-

ственного дара, назначенный говорить от имени народа.

Но все это было потом. А мы возвратимся в самые страшные ахматовские годы: с 1925 по 1956 (когда был выпущен из тюрьмы ее сын). Существует мнение, что это были годы ее творческой немоты. Сама Ахматова не раз писала об этом:

И проходят десятилетия:
Пытки, ссылки, смерти... Петь я
В этом ужасе не могу...
... А я молчу, я тридцать лет молчу,
Молчание арктическими льдами...

В позднем стихотворении “Родная земля” она опять поминает об этом:

... хвора, бедствуя, немотствуя на ней...

Скорее всего, Ахматова знала, что не сказала всего ей предназначенного в жизни (“Мне подменили жизнь...”). Многие стихи потеряны, многие были ею сожжены после ареста сына (“Откуда унеслась стихов сожженных стая”...). Но то, что она оставила – неоценимо. И самые главные, самые зрелые вещи Анны Ахматовой были созданы именно в страшные годы сталинского террора: “Путем всея земли”, “Поэма без героя”, “Северные элегии”, “Подвал памяти”, “Привольем пахнет дикий мед”, “Мужество”... И – “Реквием”.

История создания “Реквиема” сама по себе является одним из дантовых сюжетов. Прежде всего, в отличие от многих “лагерных” произведений, созданных позднее, после пережитого, “Реквием” был написан “там и тогда” – это была живая кровоточащая рана, выплеснутая наружу боль, стон человека, который не может поверить в случившееся:

Нет, это не я, это кто-то другой страдает,
Я бы так не могла...

Нельзя даже сказать, что “Реквием” был “написан” – поэма до конца 50-х нигде не была записана и существовала лишь в памяти нескольких доверенных друзей Ахматовой (так сказать, в виртуальном пространстве). Слишком велик был ее страх перед всевидящим “государевым оком”, могущим еще больше повредить судьбе сына.

Лидия Чуковская в своей книге “Записки об Анне Ахматовой” подробно описала этот ритуал:

“Анна Андреевна, навещая меня, читала мне стихи из “Реквиема” тоже шепотом, а у себя в Фонтанном доме не решалась даже на шепот; внезапно, посреди разговора, она умолкала и, показав мне глазами на потолок и стены, брала клочок бумаги и карандаш; потом громко произносила что-нибудь очень светское: “Хотите чаю?” или: “Вы очень загорели”, потом исписывала клочок быстрым почерком и протягивала мне. Я прочитывала глазами и, запомнив, молча возвращала их ей. “Нынче такая ранняя осень”, – громко говорила Анна Андреевна и, чиркнув спичкой, сжигала бумагу над пепельницей.”

Поэму хранили в памяти, по разным свидетельствам, от 7 до 11 человек. “Мы живем в догуттенберговскую эпоху,” – говорила Ахматова (то есть до начала книгопечатания). Десятилетиями стихи жили лишь в памяти людей, понимавших, как важно и убийственно это великое свидетельство, это “Царственное Слово”.

Впервые Реквием был напечатан в 1963 году – в Мюнхене. В России поэма была издана в 1987 году – через 50 лет после создания.

“Реквием” был написан в период 1935-1940 годов, когда Ахматова из 30 созданных ею стихотворений отобрала 14 и объединила их в поэму. В 1957 году она прибавила предисловие в прозе, а в 1961 – эпиграф (строку из своего стихотворения “Так не зря мы вместе бедовали...”).

“Реквием” многогранен и многослоен. Поэма читается легко и предварена авторским объяснением. Это мать, которая томится в очередях к ленинградской тюрьме “Кресты” в надежде узнать о судьбе сына. Одна из миллионов таких же несчастных – она часть их, она голос их:

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов...

Она живет с ними там, сейчас, подробно описывает даже внешность “невольных подруг”:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,
И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: “Сюда прихожу, как домой”.

Это конкретные, живые люди, у них есть имена и судьбы:

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список и негде узнать...

И в то же время поэма и ее героиня существуют в исторической перспективе, связь эта тянется через века из русской истории, из христианской культуры:

Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.
Поднимались, как к обедне ранней...
У божницы свеча оплыла...

И, наконец, еще один – вселенский, надмирный, евангельский слой поэмы:

Отцу сказал: “Почто меня оставил”.
А Матери: “О, не рыдай Мене...”

Там, где Голгофа – там Христос. В этом месте душевное в поэме Ахматовой переходит на уровень духовного.

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел.
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Кто это плачет, немеет от горя в ленинградской тюремной очереди? Героиня поэмы? Стрелецкая женка? Это плачет Богородица о Сыне Своем, о всех умученных и убиенных, это стонет сама земля от горя людского.

Многослойный подтекст, некий “шифр” многих стихов “Реквиема” имеет различные толкования. Происходящее в те годы в России напоминало пророчество о Страшном Суде: “...и живые будут завидовать мертвым”.

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад...

-пишет Ахматова.

Как трехсотая, с передачу,
Под Крестами будешь стоять...

Реальное название тюрьмы, построенной крестообразно, переходит в символ страдания, в Крест Распятого.

Названия трех рек присутствуют в поэме: Нева, на “брегах” которой происходит действие (“И голубь тюремный пусть гулит вдали,/ И тихо идут по Неве корабли”); Енисей (“Клубится Енисей,/ Звезда Полярная сияет”) – реминисценция с Сибирью, ссылкой, лагерем за полярным кругом, – более или менее понятны читателю. Упоминание же о Доне (“Тихо льется тихий Дон...”) требует объяснения. Это скрытое обращение к Осипу Мандельштаму, которого Ахматова навещала в ссылке в Воронеже накануне его последнего ареста и гибели:

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед.
И ночь идет, которая не ведает рассвета...

Эти строки тоже оказались пророческими. Осип Мандельштам, в свою очередь, еще в 1917 году предвидел судьбу Ахматовой:

Когда-нибудь в столице шалой,
На диком празднике у берега Невы,
Под звуки омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы...

В поэме ошутимо присутствует город, но это уже не Петербург, о котором ею было столько написано раньше, это страшный, чужой Ленинград:

... По столице одичалой шли...
... И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград...
... И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

Ахматова особенно страшно употребляет простонародное жаргонное выражение: “черными марусями” называли в то время машины для перевозки заключенных.

Некоторого разъяснения требуют строки из стихотворения “К смерти”. Для современного Ахматовой читателя слова:

Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха оправдома

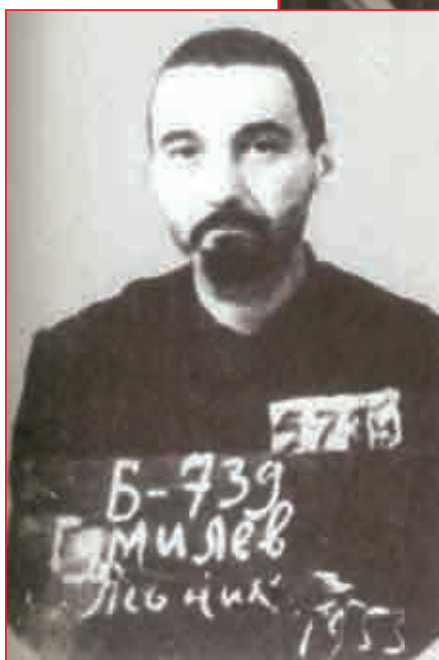
были совершенно ясны – это законченная картина ареста (представители НКВД носили фуражку с голубым верхом и в качестве свидетелей привлекали понятых из домоуправления.). Интересную мысль высказывает А.Найман по поводу других строк этого стихотворения:

“Когда... появляется строчка “ворвись отравленным снарядом”, первая читательская реакция – недоумение. “С гирькой подкрадись, как опытный бандит, иль отрави тифозным чадом” – все это, когда речь идет о смерти, имеет вполне реальные соответствия в контексте той повседневности. Но “отравленный снаряд” в 1939 году мог вызвать разве что отдаленную ассоциацию... Образ, однако, становится понятен, если идти по шекспировскому следу и вспомнить “poison’d shot”, отравленное ядро, о котором говорит Клавдий в IV акте “Гамлета”. То есть в “Реквиеме” смерть врывается в дома, как отравленное ядро клеветы – донос! Ахматова говорит об этом прикровенно, потому что слово было под официальным запретом, хотя практика доносительства пронизывала жизнь общества и стала обыденной в сфере людских отношений.”

Связь Ахматовой с мировой культурой – отдельная большая тема. Повествование ведется то от первого, то от третьего лица – меняется угол зрения, героиня смотрит на себя со стороны (“Показать бы тебе, насмешнице,...что случится с жизнью твоей.”). В поэме звучат не только слова, не только звуки и шумы (“выла старуха, как раненный зверь”, “в темной горнице плакали дети”, “шаги тяжелые солдат”, “паровозные пели гудки”, “постылая хлопала дверь”, “горячий шелест лета”), но и тишина – мучительная, страшная, безмолвная:

И ни звука – а сколько там
Неповинных жизнью кончается...

Необычайно широк диапазон слов, которыми поль-

зуется автор. От простых, ласковых, материнских (“Как тебе, сынок, в тюрьму, Ночи белые глядели”), от наивной мольбы, просьбы о сострадании (“Муж в могиле, сын в тюрьме, Помолитесь обо мне.”) до высокого, торжественного эпоса. Апофеоз поэмы – последнее стихотворение “Памятник”:

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас...

Вслушаемся в звук, которым поэт достигает своей цели: в первой строке чередование букв “п” и “б” создают впечатление тяжелых, погребальных ударов колокола. Во второй строке звуки “ж-с-ш-ч” – это срывающийся голос, переходящий в шепот.

Вслед за Пушкиным, Ахматова говорит о памятнике себе. В этом нет ни заносчивости, ни самолюбования. Это осознание своей высшей миссии, своего назначения, ответственности перед своей избранностью:

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомилльонный народ,
Пусть также они поминают меня
В канун моего поминального дня.

Она даже точно указывает место, где памятнику надлежит быть:

А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Там, где Поэт разделяет судьбу своего народа, его боль и страдания, становится частью его. Там, где сеял он Слово – “Божественный Глагол”.

Маша Семенова

REQUIEM

No, not under the vault of alien skies,
And not under the shelter of alien wings -
I was with my people then,
There, where my people, unfortunately, were.

1961

Instead of a Preface

In the terrible years of the Yezhov terror, I spent seventeen months in the prison lines of Leningrad.

Once, someone «recognized» me. Then a woman with bluish lips standing behind me, who I of course, had never heard me called by name before, woke up from the stupor to which everyone had succumbed and whispered in my ear (everyone spoke in whispers there):

«Can you describe this?»

And I answered, «Yes, I can.»

Then something that looked like a smile passed over what had once been her face.

april 1, 1957

Leningrad

Dedication

Mountians bow down to this grief,
Mighty rivers cease to flow,
But the prison gates hold firm,
And behind them are the «prisoners` burrows»
And mortal woe,
For someone the sunset luxuriates -
We wouldn` t know, we are those who everywhere
Hear only the rasp of the hateful key
And the soldiers` heavy tread.
We rose as if for an early service,
Trudged through the savaged capital
And met there, more lifeless than the dead;
The sun is lower and the Neva mistier,
But hope keeps singing from afar.
The verdict... And her tears gush forth,
Already she is cut off from the rest,
As if they painfully wrenched life from her heart,
As if they brutally knocked her flat,
But she goes on... Staggering... Alone...
Where now are my chance friends
Of those two diabolical years?
What do they imagine is in Siberia`s storms,
What appears to them dimly in the circle of the moon?
I am sending my farewell greeting to them.

march 1940

Prologue

That was when the ones who smiled
Were the dead, glad to be at rest.
And like a useless appendage, Lenningrad
Swung from its prisons.

And when, senseless from torment,
Regiments of convicts marched,
And the short songs of farewell
Were sung by locomotive whistles.
The stars of death stood above us
And innocent Russia writhed
Under bloody boots
And under the tires of the Black Marias.

I

They led you away at dawn,
I followed you, like a mourner,
In the dark front room the children were crying,
By the icon shelf the candle was dying.
On your lips was the icon`s chill.
The deathly sweat on your brow... Unforgettable! -
I will be like the wives of the Streltsy ¹
Howling under the Kremlin tower.

1935

II

Quietly flows the quiet Don,
Yellow moon slips into a home.

He slips in with cap askew,
He sees a shadow, yellow moon.

This woman is ill,
This woman is alone,

Husband in the grave, son in prison,
Say a prayer for me.

1938

III

No, it is not I, it is somebody else who is suffering.
I would not have been able to bear what happened,
Let them shroud it in black,
And let them carry off the lanterns...

Night.

1939

IV

You should have been shown, you mocker,
Minion of all your friends,
Gay little sinner of Tsarskoye Selo²
What would happen in your life -
How three-hundredth in line, with a parcel,
You would stand by the Kresty prison,
Your fiery tears
Burning through the New Year's ice.
Over there the prison poplar bends,
And there's no sound - and over there how many
Innocent lives are ending now...

1938

V

For seventeen months I've been crying out,
Calling you home.
I flung myself at the hangman's feet,
You are my son and my horror.
Everything is confused forever,
And it's not clear to me
Who is a beast now, who is a man,
And how long before the execution.
And there are only dusty flowers,
And the chinking of the censer, and tracks
From somewhere to nowhere.
And staring me straight in the eyes,
And threatening impending death,
Is an enormous star.

1939

VI

The light weeks will take flight,
I won't comprehend what happened.
Just as the white nights
Stared at you, dear son, in prison,
So they are staring again,
With the burning eyes of a hawk,
Talking about your lofty cross,
And about death.

1939

VII

The Sentence

And the stone word fell
On my still-living breast.
Never mind, I was ready,
I will manage somehow.

Today I have so much to do:
I must kill memory once and for all,
I must turn my soul to stone,
I must learn to live again -

Unless... Summer's ardent rustling
Is like a festival outside my window.
For a long time I've forseen this
Brilliant day, deserted house.

June 22, 1939

Fountain House

VIII

To Death

You will come in any case - so why not now?
I am waiting for you - I can't stand much more.
I've put out the light and opened the door
For you, so simple and miraculous.
So come in any form you please,
Burst in as a gas shell
Or, like a gangster, steal in with a length of pipe,
Or poison me with your typhus fumes.
Or be that fairy tale you've dreamed up.
So sickeningly familiar to everyone -
In which I glimpse the top of a pale blue cap
And the hose attendant white with fear.
Now it doesn't matter anymore. The Yenisey swirls,
The North Star shines.
And the final horror dims
The blue luster of beloved eyes.

August 19, 1939

Fountain House

IX

Now madness half shadows
My soul with its wing,
And makes it drunk with fiery wine
And beckons toward the black ravine.

And I've finally realized
That I must give in,
Overhearing myself
Raving as if it were somebody else.

And it does not allow me to take
Anything of mine with me.
(No matter how much I plead with it,
No matter how much I supplicate):

Not the terrible eyes of my son -
Suffering turned to stone,
Not the day of the terror,
Not the hour I met with him in prison,

Not the sweet coolness of his hands,
Not the trembling shadow of the lindens,
Not the far-off, fragile sound -
Of the final words of consolation.

may 4, 1940
Fountain House

X
Crucifixion

Mother,
«Do not weep for Me,
Seeing me in the grave.»

1

A choir of angels sang the praises of that momentous hour,
And the heavens dissolved in fire.
To his Father He said: «Why hast Thou forsaken me!»
And to his Mother: «Oh, do not weep for Me...»

1938

2

Mary Magdalene beat her breast and sobbed,
The beloved disciple turned to stone,
But where the silent Mother stood, there
No one glanced and no one would have dared.

1940
Fountain House

Epilogue I

I learned how faced fall,
How terror darts from under eyelids,
How suffering traces lines
Of stiff cuneiform on cheeks,
How locks of ashen-blond or black
Turn silver suddenly,
Smiles fade on submissive lips
And fear trembles in a dry laugh.
And I pray not for myself alone,
But for all those who stood there with me
In cruel cold, and in July's heat,
At that blind, red wall.

Epilogue II

Once more the day of remembrance draws near,
I see, I hear, I feel you:

The one they almost had to drag at the end,
And the one who tramps her native land no more,

And the one who, tossing her beautiful head,
Said, «Coming here's like coming home.»

I'd like to name them all by name,
But the list has confiscated and is nowhere to be found.

I have woven a wide mantle for them
From their meager, overheard words.

I will remember them always and everywhere,
I will never forget them no matter what comes.

And if they gag my exhausted mouth
Through which a hundred million scream,

Then may the people remember me
On the eve of my remembrance day.

And if ever in this country
They decide to erect a monument to me,

I consent to that honor
Under three conditions- that it stand

Neither by the sea, where I was born:
My last tie with the sea is broken,

Nor in the tsar's garden near the cherished pine stump,
Where an inconsolable shade looks for me,

But here, where I stood for three hundred hours,
And where they never unbolted the doors for me.

This, lest in blissful death
I forget the rumbling of the Black Marias,

Forget how that detested door slammed shut
And an old woman howled like a wounded animal.

And may the melting snow stream like tears
From my motionless lids of bronze,

And a prison dove coo in the distance,
And the ships of the Neva sail calmly on.

March 10, 1940

¹ Streltsy: Tsar's bodyguards who mutinied in 1698 and were swiftly put down, the leaders excuted.

² Tsarskoye Selo: Akhmatova's hometown

Akhmatova, Anna. The Complete Poems of Anna
Akhmatova. Ed. Roberta Reeder. Boston: Zephyr Press,
4th printing, 2000.
pp 384-394

<http://www.bezumiye.com/requiem.htm>

On the occasion of Anna Akhmatova's 120th anniversary

We present our readers “Requiem”, a poem written during the period of Stalin repressions and representing one of the pinnacles of Russian poetry of the twentieth century.

The euphemism “1937”, which has come to represent what happened to the country in the twentieth century, appears idyllic to me. It creates the impression that it was limited to just one year. But in reality that which would later come to be called “Stalin’s repressions,” “ezhovshina,” “berievshina,” “isolated violations of socialist lawfulness,” “terror,” began in 1917 and continued with varying intensity until at least the end of the 1950s.

In some way the terror touched every family in the Soviet Union. Even when people refused to accept it, or tried to excuse it.

People would console themselves with the folksy saying “If you chop a forest, chips will fly” (the English equivalent is: “You have to break the eggs to make an omelet” – trans.)

Chips, chips... More than 20 million chips flew during the chopping of this great forest. I dare assert that among the 20 million tortured are millions of informants, detectives, executioners, guards, chroniclers and propagandists who, in turn, became victims of the regime. A new religion was being created, a new being; to kill the memory, to drown the soul was no less important than to expose “a counter-revolutionary organization plotting to assassinate important members of government and the party”.

The executioner demanded fear and silence, an absolute oblivion to what had occurred. A giant government machine was put into motion; countless tomes of pulp literature were created; and paper, as we know, bears all.

My goal is not to describe the horror of the Stalin era. We can neither forget nor contrive the circles of hell they must have traversed.

Millions went into the ground, taking with them their testimony and their pain. God knows their names. My goal is to show that The Word – the beginning of all beginnings – transforms the conscience, preserves a people’s memory, changes life.

Writers and poets are the carriers of The Word; they are in some ways the chosen, the witnesses and the spokesmen

of what is not possible for most to not only express but often even to realize. The word possesses a measure of truth, and its loss leads us to lose our understanding of events, to forget what is most important, the highest manifestation of the human spirit.

Solzhenitsyn’s “One Day in the Life of Ivan Denisovich” caused a radical change in the minds of many people, and in some way changed the course of Soviet history. One small testament of the truth was the genesis for an entire generation of Sixtieth.

Akhmatova’s first book, “Evening,” was published in 1912. This time is called the Silver era of Russian poetry. The Golden era was the time of Pushkin and his peers, and those years are well deserving of their “golden” name. Pushkin’s unsurpassed genius was the

sun to many heavenly stars, all first-rate poets in the own right: Zhukovsky, Vyazemsky, Baratynsky, Batyushkov, Delvig...

It is curious to examine the mutual influence of these phenomena: a talent as powerful as Pushkin’s must have carried an impact on his contemporaries; seen from a different point of view, Pushkin’s genius could grow and distinguish itself specifically in these surroundings. There needs to be an environment, an atmosphere, what the French call “bouillon de culture” – the nourishing atmosphere of

culture. To go further, a talented writer demands and assumes a talented and understanding reader. A beautiful blossom cannot flourish on desolate, rocky soil. The reading of poetry is always labor and mystery. In Pushkin's times the writer and the reader spoke one language; poetry was a habitual manner of expression in 19th century sophisticated society.

Marina Tsvetaeva, another remarkable poet, had a formula: "I am water. It is simply a matter of size of the vessel and the magnitude of the thirst."

Russia's Silver era gave root to a line of amazing poets: Blok, Gumilev, Maykovsky, Mandelstam, Tsvetaeva, Pasternak, A. Belyi, In. Annensky, Voloshin, Esenin, Igor Severyanin, Brusov, Akhmatova... Poets of varying talents and gifts, of different and often opposing directions; nearly all are united by their tragic fate. Russia's 20th century dealt mercilessly with its fame.

The vessel was broken, the water seeped out, but the thirst remained all the same. Generations grew up on crackling ideological rhyme. The poet lost his reader, as the reader was separated from The Word, forgot how to think and understand poetry. A rift occurred between the poet and the reader ("The time is out of joint"), therefore poetry necessitates a certain explanation and interpretation.

Anna Akhmatova passed away in 1966, the last of the poets of her generation. In one of her poems dedicated to Boris Pasternak there are the lines, which turned out to be a foreshadowing of her own autumn years. It is a thread leading from the Silver Era to our times, and even perhaps echoing Pushkin times. In a sense, Akhmatova is a recipient of Pushkin's poetical tradition: the grace and exactness of verse, the harmony and laconism, the apparent simplicity and lightness with the maximum semantic meaning of each word, the multi-layered narrative.

Osip Mandelstam, a remarkable poet, used to say that Akhmatova compresses the classical Russian prose: her short poem packs sufficient meaning and action to fill a thick novel. One of Akhmatova's early poems, "The Grey-eyed King", is a ready subject for Walter Scott (in fact, one of Pushkin's heroines mentions: "I find Walter Scott has unneeded pages.") Of course! For a reader of Pushkin,

Walter Scott has many superfluous pages! Russian children who are brought up on Pushkin's books, on his "dizzying laconism," are oblivious that they are immediately introduced to the highest literary level.

Anna Akhmatova was born in 1889 in Odessa. Her childhood and early youth were spent in Tsarskoye Selo, a special place for Russian literary word.

And the main Lyra belongs to the one, who she saw through space and time – Pushkin, who spent his formative years in Tsarskoye Selo's Lycee.

In her final years Akhmatova wrote the "Ode to Tsarskoye Selo" in which she precisely identified the role that Tsarskoye played in her life:

It was her source of inspiration, her beginning, and a core part of her personality. With "Ode to Tsarskoye Selo" Akhmatova brought to a close an account of a bygone era.

Akhmatova's early decades can be considered quite peaceful and comfortable. She was a famous poet, a master of the truly graceful word, one of the founders of akmeism, a "Russian European" (a

little-known fact of Akhmatova's biography is her friendship with then unknown artist Amedeo Modigliani. They met in Paris throughout the 1910 and 1911. Several sketches of Akhmatova done by Modigliani still exist.)

And then came what allowed her to say:

I was with my people then,

There, where my people, unfortunately, were.

Only the facts. In 1921 Nikolai Gumilev, a famous poet, Akhmatova's first husband and the father of her son Lev, was executed. Lev Gumilev, who would later become a

famous historian, was arrested three different times and incarcerated for a combined 15 years. Osip Mandelstam, a remarkable poet and close friend of Akhmatova's, perished in a labor camp in 1939. Her second husband, art critic Nikolai Punin, died in 1953 in prison. Many friends and relatives simply disappeared; some emigrated, others incarcerated. Years of solitude, poverty, separation from her son, separation from her readers, years of pain and fear.

After the Second World War people returned to life

hopeful that the horrors they had survived could not be repeated. Alas. A fresh wave of arrests swept the country. Culture was also not left unnoticed.

The main “heroes” of the 1946 Communist Party resolution “On magazines ‘Zvezda’ and ‘Leningrad’” were Mikhail Zoschenko and Anna Akhmatova – the muse of laughter and the muse of tears. I do not know whether this “historic resolution” is studied in schools today, or in what context; but in 1969 every high school graduate was obligated to report that Akhmatova is “half nun and half fornicator, torn between the chapel and the bedroom.” Comrade Zhdanov, Politburo member, enjoyed imagery and supplied the dry language of the Party document with ornate epithets. Students were not required to commit to memory Akhmatova’s works, only the slander directed at her. Following 1946 both Akhmatova’s and Zoschenko’s books disappeared from print for a long time. Mikhail Zoschenko, one of the century’s greatest writers, was hunted and denied work, developing mental illness as a result. And these were the “lucky” ones: they weren’t arrested and tortured in prison, as were so many of their peers.

Yet the unforeseen happened; a flower broke through the rocky soil. A handful of Akhmatova’s verses, quoted in a document to illustrate the uselessness and lack of ideas of this “woman gone mad”, had a greater effect than all of the resolutions, edicts and enforcements of Stalin’s vampires. Akhmatova lamented that the new generation does not know her at all – her name was slandered, her work was unpublished. The reader had no opportunity to meet with her work. In an ironic twist of fate, the new generation learned of Akhmatova’s poetry specifically from Zhdanov’s resolution.

I would like to recount an interesting story in relation to this. In the early 60s a famous writer K. Chukovski received a letter from a grade 9 student named Misha from a little village called Lodeynoye Poleh (field) in the Leningrad region. The boy wrote that the slandered verses in Zhdanov’s resolution had a profound effect on him. In his naive letter he asks where he can buy Akhmatova’s books, and

whether it would be appropriate to defend her at his literary discussions at school. “You agree with me, don’t you?” asked hopeful Misha (apparently he had already suffered at these discussions.) Chukovski passed the letter on to Akhmatova (it survived in her archives.) “This is the meaning of this country’s greatness,” said Akhmatova. “In some Lodeynoye field there are boys who have had everything hidden from them, but who deduced everything.”

Today Mikhail Kralin – the “boy from Lodeynoye Poleh” – is a known literary critic and a scholar of Akhmatova’s work.

In her final decade Akhmatova found admirers and like-minded people especially among the new generation.

The water had not entirely leaked from the vessel; the thirst for truth and for the Word renewed itself. Young poets, who fully appreciated their good fortune at having encountered such a phenomenon, dedicated many wonderful verses to Akhmatova. Vladimir Kornilov, David Samoylov, young Leningrad poets -- “a magic choir” as she called them: Brodsky, Rein, Naiman, Bobyshev. The fate of Joseph Brodsky is

closely tied with Akhmatova: she supported him through his difficult years of prison and exile, and she fully understood and appreciated his extraordinary talent. He mentions her in his Nobel prize acceptance speech in 1987. For her centennial he wrote:

“Words of forgiveness and of love are the voice of God placed on the lips of the Poet”. The Poet is the conduit of the Word, the carrier of the heavenly gift appointed to speak for the people.

But all this happened later. Let us return to Akhmatova’s toughest years: 1932 to 1956, the year her son was released from prison. There is a belief that these were years of creative darkness for Akhmatova; she herself wrote about on more than on occasion.

It’s more likely that Akhmatova knew that she did not get to say all that she was meant to say. Many of her poems have been lost, many she burned herself after her son’s

arrest. But what she left behind is priceless. And her most important, most mature works were created during the years of Stalin's terror. The poem "Requiem" is among them.

The history of how "Requiem" was written is worthy of Dante. Firstly, unlike other "labor camp" works which were written later, after what took place, "Requiem" was created "then and there" – it was an open bleeding wound, spilled over pain, the groan of a person who cannot believe what has come to pass.

"Requiem" wasn't even "written" as such. Until the late 1950s it was not recorded anywhere, and existed solely in the memory of several of Akhmatova's trusted friends. Such was the magnitude of her fear of the all-seeing government "eye" capable of further harming her son.

In her book "Notes about Anna Akhmatova" Lydia Chukovskaya describes this ritual in detail:

Anna Andreevna, while visiting, would half-whisper verses from "Requiem" to me. At her home she would not ever dare whisper. Sometimes, in the middle of a conversation, she would stop and, motioning towards the walls and ceiling with her eyes, take out a piece

of paper and a pencil; then, as she loudly says something like "Would you like some tea?" or "You're very tanned" she would cover the paper with her quick writing and hand it to me. I would read and commit it to memory, then hand it back without a word; she would strike

a match and burn it in the ashtray."

According to various accounts the poem was maintained this way among a group of 7 to 11 people. "We live in a pre-Gutenberg era," Akhmatova would say (that is, before the invention of the printing press.) For decades the verses lived only in the heads of people who understood how important

and damning this testimony was.

"Requiem" was published for the first time in 1963, in Munich. In Russia this poem was published in 1987 -- 50 years after its creation.

"Requiem" was written between 1935 and 1940, a period when Akhmatova selected 14 from a thirty of her works and combined them into a poem. In 1957 she added a foreword in prose, and in 1961 she added an afterworld (a line from her poem "So we did not suffer together in vain...")

"Requiem" has many facets and many layers. It reads effortlessly and is preceded by the author's explanation. Here is a mother, queued outside the Leningrad "Kresti" ("Crosses") prison in hopes of learning of her son's fate. She is one of a miserable million just like her; she is part of them, their voice:

*I have woven a wide mantle for them
From their meager, overheard words.*

She lives there with them, in that moment, detailing even the appearance of her "reluctant girlfriends":

*The one they almost had to drag to the end,
And the one tramps her native land no more.
And the one who, tossing her beautiful head,
Said, "coming here's like coming home".*

These are real individual people, with names and fates:
*I'd like to name them all by name,
But the list has been confiscated and nowhere to
be found.*

Yet at the same time the poem and its heroine exist in a historical perspective, a connection that spans across centuries through Russian history and Christian culture:

*I will be like the wives of Streltsy
Howling under the Kremlin towers.*

(Streltsy — rebellion soldiers, executed by Peter the Great – personally! - on a Red Square in 17 century).

And finally one more layer of this poem – universal:
*To his Father He said: «Why hast Thou forsaken me!»
And to His Mother: «Oh, do not weep for Me...»*

Where there is Golgotha, there is Christ. At this stage the soulful in Akhmatova's poem transcends to a spiritual level.

*Mary Magdalene beat her breast and sobbed,
The beloved disciple turned to the stone,*

*But where the silent Mother stood, there
No one glanced and no one would have dared.*

Who is it that cries, mute with grief, in this Leningrad prison queue? The poem's heroine? It is the Mother of God who weeps for Her Son, for all those tortured and murdered; it is the earth itself that groans with the grief of its people.

The multi-layered subtext in many of Requiem's verses carried various interpretations. The events of those years in Russia were reminiscent of the of Judgment Day prophecies: "and the living shall envy the dead."

*That was when the ones who smiled
Were the dead, glad to be at rest.*

Writes Akhmatova.

*How tree-hundredth in line, with a parcel,
You would stand by the Kresti prison...*

The actual name of the prison, built in the shape of a cross, takes on the symbol of suffering, the Holy Cross itself.

The poem references three rivers: the Neva, on whose shores the poem takes place; Yenisei, which recalls Siberia, exile, labor camp beyond the Arctic Circle – these are more or less obvious to the reader. The mention of the Don required explanation. Among others it is a reference to Osip Mandelstam, who Akhmatova visited in exile in Voronezh on the eve of his last arrest and subsequent demise.

There is a tangible sense of the city in the poem, but it is no longer Petersburg, which she earlier wrote so much about; it is the strange, terrifying Leningrad:

Trudged trough the savage capital...

*And like a useless appendage, Leningrad
Swung from its prisons.*

*And innocent Russia writhed
Under bloody boots*

And under the tires of the Black Marusyas.

Akhmatova morbidly uses the folksy jargon of the time: the trucks used to transport prisoners were known as "black Marusyas".

Some of the verses from "To death" require additional explanation. For a modern Akhmatova reader the words:

*In which I glimpse the top of a pale blue cap
And the house attendant white with fear.*

are obvious and clear, painting an arrest (NKVD officers wore a cap with a blue top, and called on the local building superintended as a witness.)

Naiman has another interesting interpretation of this verse:

"The line 'Burst in as a gas shell' at first confuses the reader. 'Or, like a gangster, steal in with a length of pipe/ Or poison me with your typhus fumes' When speaking of death these images have a relevance in the context of the reality

of those days. But in 1939 the words poisoned shot could illicit only a vague association. The image, however, becomes clear if we recall Shakespeare's "poison'd shot" - a slander! - mentioned by Claudius in Hamlet (Act IV). In Requiem death enters homes as a poisoned shot of slander, false witness and denunciation. Akhmatova speaks secretly, because this very word was officially

prohibited, though the practice of false witness and condemnation permeated the life of society and became part of everyday social relations."

Akhmatova's connection with world culture is a separate deep topic.

The narrative intermittently changes from first to third person, changing the viewpoint as the heroine examines herself from a different angle (“You should have seen, you mocker,...What would happen in your life”).

The poem echoes not only words, not only

sounds and noise, but also silence; a painful, terrifying, speechless silence:

Innocent lives are ending now..

And there 's no sound — and over there how many

The author's choice of words is remarkably broad. From the simple, affectionate, maternal (“Just as the white nights/ Stared at you, dear son, in prison...”), from the naive pleadings for compassion (“This woman is ill/ This woman is alone/ Husband in a grave, son in prison,/ Say a prayer for me”) to the solemn epos. The paragon of the poem comes in the last verse, “Monument”:

Once more the day of remembrance draws near.

I see, I hear; I feel you...

Following Pushkin's in footsteps Akhmatova speaks of her own monument. There is neither arrogance nor egotism here; it is a realization of her own higher mission, her purpose, and her duty to her people.

And if they gag my exhausted mouth

Trough which a hundred million scream..

She specifies precisely where the monument should be:

But here, where I stood for three hundred hours,

And where they never unbolted the doors for me.

Where the Poet shares the fate, pain and anguish of his people and becomes a part of it is the place he must be remembered; the place where he planted the Word, the “Divine verse.”

Translated by: Kirill Semenov

Анекдоты прошлого:

Смягчающие вину обстоятельства.

- Кругликов, вы опять опоздали в канцелярию! Снова проспали?

- Проспал, господин начальник. Но зато мне всё время снилась наша канцелярия.

На Николаевском вокзале.

- Что это вы, Иван Афанасьевич, такой радостный? Кого-нибудь ожидаете?

- Очень ожидаю. Отъезда тещи ожидаю.

На Кузнецком мосту.

- Зачем ты, Зина, переходишь на другую сторону?

- На этой все одни и те же кавалеры попадают.

* * *

Парле-ву франсе?

Два генерала, герои Отечественной войны 1812 года - Милорадович и Уваров - очень плохо знали французский язык, но в аристократическом обществе непременно старались говорить по-французски.

Однажды за обедом у Александра I они сели по обе стороны русского генерала графа Александра Ланжерона, француза по национальности, и всё время разговаривали между собой.

После обеда Александр I спросил Ланжерона, о чём так горячо говорили Уваров и Милорадович.

- Извините, государь, но я ничего не понял: они говорили по-французски.

* * *

Просьба одного повара к герцогу.

Один повар, видя, как множество людей обращались к герцогу миланскому Филиппо Мариа с просьбами о различных милостях, попросил однажды герцога, сидевшего за обедом, чтобы он обратил его в осла. Герцог, удивлённый и не понимавший, что означает эта просьба, спросил его, почему он предпочитает быть ослом, а не человеком.

«Потому что, - ответил повар, - я вижу, что все, которых вы возвысили и осыпали почестями, должностями, наполняются гордостью и важностью, и от высокомерия превращаются в ослов. Вот потому и я хочу, чтобы вы меня сделали ослом.»

Анекдоты из жизни монархов:

Когда здоровье Императора Александра III пошатнулось, к нему в Ливадию был вызван известный московский профессор Захарьин.

Однажды Захарьин, человек чуждый придворному этикету, войдя к Императору увидел, что тот пьёт квас, что при его болезни было весьма вредно.

Профессор был рассержен и спросил: «Кто это вам разрешил?»

Александр улыбнулся и ответил: «С Высочайшего разрешения, батенька.»

* * *

Открыв Николаевскую железную дорогу, министр путей сообщения Клейнмихель доложил Государю Императору Николаю I, что он совершил этот путь со скоростью в среднем 25 вёрст в час.

«Я ехал сутки до Москвы и сутки обратно.»

Государь приказал приготовить ему поезд и поехал в Москву вместе с Клейнмихелем и большой свитой. Но, к удивлению царя, поезд двигался весьма медленно - по 15 - 18 вёрст в час.

Недовольный царь послал флигель-адъютанта к машинисту и приказал вести поезд с такой-же скоростью, как и Клейнмихеля. Но машинист не прибавил ходу.

На станции Малая Вишера Государь в большом гневе приказал позвать машиниста.

«Как же это ты Клейнмихеля вёз по 25 вёрст в час, а меня, своего Государя, везёшь как на долгих?»

«Ваше Величество», - ответил машинист, - «у нас Клейнмихелей сколько угодно, а ты, Царь-Батюшка, у нас один. Рисковать не буду.»

Государь остался таким ответом доволен и подарил машинисту золотые часы со своим вензелем.